

Русская литература

№ 1

Историко-литературный журнал

2018

Издается с января 1958 года

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
А. В. Майоров, А. Э. Котов. Из истории издания русских летописей: последнее начало графа Н. П. Румянцева	5
А. С. Бодрова. Поэт Языков, цензор Красовский и министр Шишков: к истории цензурной политики 1824—1825 годов	35

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

А. О. Дёмин. А. П. Сумароков — переводчик итальянских либреттистов П. Метастазιο и М. Кольтеллини	52
В. А. Кошелев. Пушкинский сюжет об «импровизаторе»	61
А. А. Чуркин. «Плач мой» и повесть «Иосиф» Игнатия Брянчанинова: трансформация светских жанров в духовной прозе	72
Письма О. Ф. Миллера к В. И. Ламанскому (вступительная статья, подготовка текста и комментарии А. В. Малинова и И. Ю. Пешперовой)	85
Вл. Гиппиус. Золотой век. Из писем к иностранцу (вступительная статья, подготовка текста и комментарии Ю. А. Рыкуниной)	99
А. А. Чабан. Николай Гумилев — рецензент Федора Сологуба	127
Л. Г. Панова. Три реинкарнации Клеопатры в прозе Серебряного века: новые узоры по пушкинской канве	137
На вечерней заре. Письма А. М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1911 год (вступительная статья и комментарии Е. Р. Обатниной, подготовка текста Е. Р. Обатниной и А. С. Урюпиной).	163
А. В. Сысоева. Наследники А. С. Суворина в борьбе за власть в журналистской империи «Нового времени»	209
Н. А. Богомолов. Два альбомных стихотворения Вяч. Иванова	216
Приложение. Стихотворения Г. И. Чулкова	223
И. Е. Ерыкалова. Из творческой истории романа Е. И. Замятина «Бич Божий»	224

ЗАМЕТКИ

К. С. Корконосенко. Ранний перевод с испанского языка: романс «Заид и Заида» (1816)	240
К. А. Баршт. Дополнения к комментарию («Двойник» и «Село Степанчиково...»)	240
Б. Ф. Егоров. К описанию архива В. Н. Княжнина-Ивойлова	242

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Р. Ю. Данилевский. Театральное призвание И. С. Тургенева	245
Д. В. Токарев. Работы Андре Мазона и Романа Якобсона о революции и русском языке	246
А. Ю. Веселова. «Между двумя мирами»: «трилогия» Юрия Олеши в научном издании	247
О. Е. Осовский. Филолог или философ? Интеллектуальное «странничество» М. М. Бахтина: взгляд из 1990-х	250

ХРОНИКА

Е. Д. Конусова. ХLI Малышевские чтения	252
Т. Н. Степанищева (<i>Эстония</i>). Международная научная конференция «Личность и эмоции в истории Серебряного века»	255
С. А. Кибальник. Международный научно-исследовательский семинар «Проблемы цифровой текстологии и атрибуции анонимных текстов»	259
Памяти Гелиана Михайловича Прохорова	262

Журнал издается под руководством Отделения историко-филологических наук РАН

Редакционный совет:

*Н. А. БОГОМОЛОВ, М. ГАРДЗАНИТИ, С. ГАРДЗОНИО,
Ж. Ф. ЖАККАР, А. А. ЗАЛИЗНЯК, ЛЮ ВЭНЬФЭЙ,
Дж. МАЛМСТАД, Ж. НИВА, Дж. СМИТ, Р. Д. ТИМЕНЧИК,
В. ШМИД, Т. В. ЦИВЬЯН*

Главный редактор *В. Е. БАГНО*

Редакционная коллегия:

*М. Н. ВИРОЛАЙНЕН, Е. Г. ВОДОЛАЗКИН, А. М. ГРАЧЕВА,
И. Ф. ДАНИЛОВА (зам. главного редактора), Н. Н. КАЗАНСКИЙ,
А. В. ЛАВРОВ, А. М. МОЛДОВАН, А. Ф. НЕКРЫЛОВА, С. И. НИКОЛАЕВ,
М. В. ОТРАДИН, А. А. ПАНЧЕНКО, Н. Н. СКАТОВ, А. Л. ТОПОРКОВ,
Т. С. ЦАРЬКОВА*

Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.
Телефон/факс: (812) 328-16-01; e-mail: rusliter@mail.ru

© Российская академия наук, 2018
© Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН, 2018
© Составление. Редколлегия журнала
«Русская литература», 2018

НА ВЕЧЕРНЕЙ ЗАРЕ
ПИСЬМА А. М. РЕМИЗОВА С. П. РЕМИЗОВОЙ-ДОВГЕЛЛО:
1911 ГОД
(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ И КОММЕНТАРИИ © Е. Р. ОБАТНИНОЙ,
ПОДГОТОВКА ТЕКСТА © Е. Р. ОБАТНИНОЙ И © А. С. УРЮПИНОЙ)*

Очередная глава в рукописи «На вечерней заре», посвященная 1911 году, осталась практически без авторской проработки. Из памятных событий, указанных в

Елена Рудольфовна Обатнина — ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

Анна Сергеевна Урюпина — хранитель отдела рукописных фондов Государственного Литературного музея.

* Архивные изыскания и подготовка рукописных текстов к печати выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 15-04-00129). Первые главы не публиковавшейся при жизни писателя рукописи «На вечерней заре», подготовленные к печати профессором А. д' Амелия, см.: На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло // *Europa Orientalis*. 1985. № IV. С. 149—190; 1987. № VI. С. 237—310; 1990. № IX. С. 443—498. Мы продолжаем последовательное (по годам) введение в научный оборот

плане-проспекте главы, Ремизов называет лишь два, причем весьма контрастных по значению. Первое из них — курьезное происшествие — явилось ярким подтверждением неординарного образа писателя, выделявшегося на фоне и без того экстравагантной культурной поведенческой парадигмы литературного быта 1910-х годов. Второе — издание томов его Сочинений, предпринятое издательством «Шиповник», — как значимое, стало достойным результатом пройденного творческого пути. Эти два «полюса» биографической канвы 1911 года кажутся на первый взгляд только вынужденной констатацией фактов, лишь опосредованно упомянутых в письмах к жене. Обширная переписка Ремизова с другими корреспондентами, воспоминания современников и критическая литература, наконец, личные записи, касающиеся его поездок, позволяют реконструировать более полную картину жизни писателя в этот период, наполненный не в меньшей степени, чем предшествующие годы, и литературным трудом, и путешествиями, и разнообразными контактами. Однако обозначенный Ремизовым в преамбуле контекст прожитой жизни позволяет нам воспринять 1911 год как временной период, когда писатель приблизился к основной проблеме своего творчества — выражению авторского Я.

«На вечерней заре» представляет собой редкий случай автометаописания, в котором субъективное повествование в письмах к жене является одновременно наиболее объективной репрезентацией жизни Ремизова. Особая ценность рукописи, помимо фактических данных об историко-литературных событиях, состоит в разнообразных формах авторефлексии. Максимально «безыскусный» эго-материал из всех доступных нам документов личного архива писателя (тексты оригинальных писем к жене), отражающий «я-для-себя» (в терминологии Бахтина), здесь «осложнен» позднейшей авторской редакцией, направленной на создание «я-для-других». С этой точки зрения, рукопись «На вечерней заре» является иллюстрацией к бахтинской концепции авторской «внеаходимости», которая выражается в различии жизненных местоположений авторского сознания, фиксирующего в своем Я присутствие отчужденного Я, дистанцированного во времени и пространстве. По Бахтину, существует «абсолютная эстетическая нужда» рефлектирующего индивида «в другом» — «в видящей, помнящей, собирающей и объединяющей активности другого, которая одна может создать его внешне законченную личность; этой личности не будет, если другой ее не создаст...»¹ Именно такой образ авторского Я Ремизов формировал, опираясь на свои письма к Серафиме Павловне.

Принцип построения автобиографии основан на субъективном отборе фактов. Иные средства вынужден использовать биограф, пытающийся представить жизненный путь и творчество своего героя, анализируя различные эго-документы и зачастую выдвигая на первый план кажущиеся периферийными события, «забытые» или оставленные автором в автобиографии или мемуарах без внимания за давностью лет. Рассматривая рукопись Ремизова как авторский эксперимент в области создания новой автобиографической формы, вспомним слова В. Шкловского, в свое время разделявшего взгляды Ремизова на законы построения прозы: «Собственная биография образуется тем, что ты помнишь и что ты забываешь».²

новых глав. См.: На вечерней заре. Письма А. М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1907 год / Вступ. статья, подг. текста и комм. Е. Р. Обатниной // Русская литература. 2014. № 1. С. 149—178; На вечерней заре. Письма А. М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1908 год / Вступ. статья, подг. текста и комм. Е. Р. Обатниной // Там же. № 3. С. 142—184; На вечерней заре. Письма А. М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1909 год / Вступ. статья, подг. текста и комм. Е. Р. Обатниной // Там же. 2015. № 3. С. 153—203; 2016. № 2. С. 162—211; На вечерней заре. Письма А. М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1910 год / Вступ. статья и комм. Е. Р. Обатниной, подг. текста А. С. Урюпиной // Там же. 2017. № 2. С. 56—95. Далее ссылки на последние публикации даются сокращенно: На вечерней заре, с указанием года и страницы.

¹ Бахтин М. М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб., 2000. С. 62.

² Шкловский В. О теории прозы. М., 1983. С. 214.

В конце 1910 года началось издание Сочинений писателя, и в декабре уже были выпущены первые два тома рассказов. Ритмичная работа издательства «Шиповник» задала общий темп творческой жизни Ремизова, который в течение двух последующих лет был вынужден заниматься срочной подготовкой значительного объема рукописей к печати. Вместе с тем, публикация повести «Крестовые сестры» продолжала приносить свои плоды. В самом начале 1911 года состоялось, можно сказать, официальное литературное признание Ремизова как писателя, востребованного современностью. Такой авторитетный историк литературы, как С. А. Венгеров, в обзорной статье «Литературные настроения 1910 года» по поводу «Крестовых сестер» лаконично констатировал: «На долю этой повести выпал, пожалуй, самый крупный литературный успех года, — и особо подчеркнул ремизовский индивидуальный ракурс творческого отражения современности. — Перед нами — реализм символический, быт, жизнь, но преломившиеся через определенное отношение к ним».³ Пожалуй, в этой сентенции ученый-филолог вывел формулу новой прозы Ремизова, указав на опорные концепты — символично-философское содержание, быт и субъективизм, выраженный в необычной, сугубо индивидуальной эстетической форме.

Литературная известность, пришедшая к Ремизову, внесла в круг его литературных задач проблему создания «автобиографии» и «биографии». Первое предложение написать автобиографию поступило Ремизову от литературного деятеля, переводчика и коллекционера Ф. Ф. Фидлера, который под патронажем Литературного фонда инициировал издание сборника автобиографий современных русских писателей. Опросный лист, предварительно разосланный литераторам, содержал 25 позиций и способствовал раскрытию как собственно биографических фактов, так и сведений о развитии литературных вкусов, о приобретенных на жизненном пути духовных идеалах и эстетических ориентирах, истории первых публикаций и отношении к собственным произведениям. Ремизов игнорировал все «наводящие» вопросы, за исключением короткой справки о своем литературном дебюте в московской газете «Курьер» (1902), а также первых публикациях в брюсовском альманахе «Северные Цветы» (1903), и, пожалуй, единственный из пятидесяти трех литераторов ответил на отсутствующий в анкете вопрос: почему он стал писателем. Вернее, исходя из очевидного расхождения самоидентификации со статусом писателя, он попытался объяснить, почему не может не писать.

Для раскрытия своей мысли Ремизов воспользовался «эпистолярием» Макара Девушкина, отчасти идентифицируясь с этим литературным героем и представляясь не писателем, а лишь homo scriptoris. В одном из посланий Вареньке иносказательно говорится об общечеловеческом стремлении реализовать идеал собственной жизни. Эта «вершина» личностного развития, недостижимая и возделенная, у всех разная и нередко самая что ни на есть «мизерабельная» — например, выраженная в мысли «занозе» о каких-то мастерски починенных сапогах, вонзающейся в тревожное подсознание сапожника, что живет в «дымном углу, в конуре какой-нибудь», неподалеку от вас. Цитируя фрагмент из романа «Бедные люди», Ремизов пояснял: «Эти сапоги (...) есть дело каждого».⁴ До известной степени закономерно, что он опирался на творчество Достоевского, предоставившего питательную почву для роста и обогащения его собственного мастерства в начале 1910-х годов. Между тем, ремизовская интерпретация философии «маленького человека» за счет купирования дискурсивных деталей и при помощи смещения акцентов позволила укрупнить масштаб заложенного в ней содержания до платоновской концепции эйдоса — категории, отражающей суть как отдельной материальной вещи, так и смысл (назначение) человеческой жизни в целом. Прикрываясь выбранной мас-

³ Венгеров С. Литературные настроения 1910 года // Русские ведомости. 1911. 19 янв. № 14. С. 2—3.

⁴ Первые литературные шаги: Автобиографии современных русских писателей / Собрал Ф. Ф. Фидлер. М., 1911. С. 224.

кой, Ремизов описал собственные интенции: «И странное дело, почему-то непременно хочется рассказать о них, о сапогах этих. <...>. И все-таки, какое счастье суметь хоть пролопотать о своем сапоге».⁵ Эти «сапоги» заставляли Ремизова с упорством мастерового, добывающегося своего «идеала», перерабатывать собственные тексты. В конце 1910 года для Собрания сочинений он заново отредактировал все уже изданные крупные произведения. В письме П. Е. Щеголеву от 8 февраля Ремизов писал о результатах своего труда: «Посылаю Вам I и II т(ома). Во II т(оме) „Часы” в новой редакции и все рассказы в прежнем виде не входят, хоть что-нибудь, а исправлено. Иначе не могу».⁶

Начиная с 1911 года, все отчетливее в прозе Ремизова проступают детали личного быта, сократившие дистанцию между литературой и реальностью до предельного минимума. Напомним, что в преамбуле к главе, посвященной 1911 году, указывается место действия — новая квартира на Таврической улице (д. Зв, кв. 23), в которой Ремизовы впервые почувствовали себя хозяевами и обустроили свой быт. Очевидно, именно это местожительство впервые описано как мифологическое пространство в рассказе 1911 года «Глаголица», а затем в продолжении этого повествования — рассказе «Оказион» (1913).

Возможно, проблема формы жизнеописания инспирировала рождение в 1911 году нового автобиографического героя, наделенного набором легко ассоциируемых с автором свойств характера, подробностями его личной жизни, его внешними чертами. Центральный герой «Глаголицы» и «Оказиона» — Александр Александрович Корнетов — персонаж, который, как подчеркивал сам Ремизов, ничем не отличался бы от других статских советников в отставке, если бы не его редкий дар — «Корнетов единственный на всем земном шаре писал письма и всякие дружеские послания глаголицей».⁷

Настоящим сказочным дворцом предстает в обоих рассказах скромное жилище Корнетова: «Что ни комната, то свое название. Кабинет — неподобная комната в семь углов — избушка ледяная, тут Александр Александрович проводил за делами дневные часы свои. Соседняя с кабинетом комната — избушка лубяная или хворостяная, служила она у Корнетова молельней. Затем большая комната — палаты пировые, брусяные, а из пировых брусяных палат ход в самую маленькую комнатенку — в логовище. <...> Гости располагались в палатах или толкались в ледяной избушке, где такая стояла жара, ну, как банная, и от тесноты — повернуться негде! — и от жаркого парового отопления».⁸

На сборищах в квартире писателя на Таврической (равно как и ранее на Кавалергардской, или в Казачьем переулке) определилась основная идея Обезвельволпала — объединение незаурядных личностей, пусть и вовсе незаметных или даже подозрительных для обывательского сознания: «И кого только ни набиралось <...> провести на высотах у Корнетова веселый вечерок, кого тебе надо, изволь: и старики-моховики, и молодежь желторотые <sic!>, и тихие, и крикуны, и ссорщики, и наустители, и философы».⁹ Тем не менее встречались отнюдь не случайные люди; напротив, все они были избранными, почитаемыми, лучшими среди лучших: «Была <...> страсть у Корнетова к именам и званиям, подбирал он людей себе, и не каких-нибудь, а особенных, — вышних людей».¹⁰ В персонажах рассказа «Оказион» друзья писателя без труда узнавали самих себя. Среди них были литературные проекции на В. В. Розанова, М. А. Кузмина, Д. Е. Жуковского; И. В. Жилкина; предпринимателя Соломона Сегалья и др. На Таврической закладывались основные

⁵ Там же.

⁶ ИРЛИ. Ф. 627. Оп. 4. № 1479—1610. Л. 144.

⁷ Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2000. Т. 3: Оказион. С. 211.

⁸ Там же. С. 214.

⁹ Там же. С. 215.

¹⁰ Там же. С. 213.

принципы игры в Обезвельволпал, в том числе и своя, тайная письменность, функцию которой выполняла досконально изученная Ремизовым глаголица.¹¹

Именно обстановка квартиры Ремизова на Таврической, в бытовых реалиях отразившая внутренний мир писателя, еще в 1910 году стала объектом внимания журналистов. Так, в печати появилась статья П. Кожевникова, посвященная Ремизову-мифологу. Впервые вниманию читателей был представлен не шарж, не искаженная сатирическими эскападами язвительных критиков пародия, а объективное интервью с писателем, дополненное портретом работы Карла Буллы. Знаменитый фотограф запечатлел Ремизова на фоне коллекции игрушек и природных артефактов, размещенных в его рабочем кабинете. Писатель как будто на мгновение оторвался от чтения огромного старинного фолианта, занявшего весь его письменный стол, и принялся рассказывать «биографию» каждого персонажа его игрушечного bestiaria.¹² В континууме 1911 года эта публикация послужила поводом для весьма неожиданного поворота событий. 8 августа писатель получил письмо, отправитель которого, казалось бы, мог присниться ему только в кошмарном сне. А. А. Измайлов, тот самый «Мих. Мирон», кто, по недоказанной, но принятой Ремизовым версии, на страницах «Биржевки» выставил его перед всем миром плагиатором, паразитирующим на народном творчестве,¹³ теперь обращался к нему с самой неожиданной просьбой:

«Искренноуважаемый
Алексей Михайлович.

Я издаю книгу, в к(ото)рую в числе 10—15 других, входит Ваш литературный портрет.¹⁴ Статья эта предварительно имеет пройти в „Новом Слове” (при Бирж(евых) В(едомостях)) и в самой газете — в сентябре.¹⁵

Если Вы не питаете ко мне очень большой антипатии, то, может быть, будете столь ласковы, что дадите мне для книги *не бывший* в печати Ваш портрет и страничку автографа. Чем ближе к Вашей писательской личности были бы Ваши строки (хоть 5—8, такого формата, как этот листок), — так мне было бы приятно и для дела лучше.

Позвольте надеяться, что Вы исполните мою покорнейшую просьбу. Мой адрес — Вас(ильевский) Остр(ов) 17 линия, 70. Если бы у Вас имелся Ваш портрет, где Вы в Вашем раритет-кабинете (о чем идет речь в статье со ссылкой на П. Кожевникова), — это было бы совсем хорошо.

Читая Ваше и потом реализуя свои мысли на бумаге, очень жалею, что не мог на многое услышать Ваше собств(енное) уяснение.

Искренне Вас уважающий и преданный

Измайлов».¹⁶

¹¹ Подробнее см.: *Обатнина Е.* Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А. М. Ремизова в лицах и документах. СПб., 2001. С. 46—51.

¹² *Кожевников П.* Коллекция А. М. Ремизова (Творимый апокриф) // Утро России. 1910. 7 сент. № 243. С. 2.

¹³ См.: На вечерней заре 1909 (I). С. 157—158; *Данилова И.* Писатель или списыватель? (К истории одного литературного скандала) // История и повествование: Сб. статей / Под ред. Г. В. Обатнина и П. Песонена. М.; Хельсинки, 2006. С. 279—316. См. также анализ инцидента с обвинением в плагиате: *Измайлов А. А.* Переписка с современниками / Сост., вступ. статья А. С. Александрова; предисловия, подг. текстов и прим. А. С. Александрова, Э. К. Александровой, Н. Ю. Грыкаловой. СПб., 2017. С. 319—323.

¹⁴ Речь идет об очерке «Старорусские кружева (Быль и легенда А. М. Ремизова)», опубликованном в книге: *Измайлов А. А.* Пестрые знамена. Литературные портреты безвременья. М., 1913. С. 87—101.

¹⁵ См.: *Измайлов А.* Бесовские арабески (Литературный портрет А. Ремизова) // Новое слово. 1911. № 9. С. 64—69; Биржевые ведомости (утр. вып). 1911. 15 сент. № 12531. С. 3; 16 сент. № 12533. С. 3.

¹⁶ Цит. по: *Измайлов А. А.* Переписка с современниками. С. 328.

В своих воспоминаниях, впервые опубликованных в 1954 году под названием «Магия», Ремизов изобразил внезапное появление критика с инициативой наладить профессиональные взаимоотношения, поборов возникшую по ложным мотивам «антипатию», как непрошенное вторжение «черного человека», несомненно, используя корреляции с именем Есенина, упомянутым в одном контексте.¹⁷ В действительности, несмотря на пережитые писателем горячайшие эмоции, связанные с летом 1909 года, когда некто «Мих. Мирков» нанес писателю публичное оскорбление, в конце осени того же года произошел первый и наверняка опосредованный (через общих знакомых) примирительный контакт Ремизова с обидчиком. Документальное подтверждение этому шагу навстречу друг другу содержит сохранившийся в архиве Измайлова автограф, оставленный Ремизовым на отдельном листе бумаги, очевидно, с целью в дальнейшем поместить его в предназначенную для подарка книгу. Лапидарный как по графике исполнения, так и по содержанию документ ни словом, ни росчерком не выдает подлинных эмоций автора: «Александрю Алексеичу Измайлову

А. Ремизов. 30 ноября 1909».¹⁸

Доброжелательное общение двух литераторов по-настоящему началось в 1911 году. Благодаря обоюдному интересу к памятникам древнерусской письменности их переписка и обмен дружественными визитами продолжались несколько лет, оборвавшись в 1918 году в контексте революционных событий, резко изменивших налаженную и спокойную жизнь.¹⁹ Измайлов внес щедрую лепту в укрепление ремизовской писательской карьеры, напечатав помимо упомянутого в августовском письме «литературного портрета» очерк «В волшебном царстве. А. М. Ремизов и его коллекция». Для этой публикации в популярном журнале «Огонек» Ремизов буквально через три дня предоставил и фотопортрет в «раритет-кабинете», и собственный каллиграфический автограф с описанием одного из персонажей его домашнего «бестиария», а лично Измайлову — только что вышедший из печати третий том своих сочинений.²⁰ Измайловский очерк (наравне с интервью П. Кожевникова) является ценным биографическим документом, раскрывающим творческую обстановку дома писателя, с одной стороны, а с другой — подтверждением свершившихся «чудесным образом» кардинальных перемен в суждениях строгого критика о стилистических приемах Ремизова, методах его работы с фольклорными источниками и в целом — о его неординарном литературном таланте.²¹ В реальности произошла настоящая «магия» превращения злодея в доброго покровителя, литературные оценки которого для Ремизова были не только лестны, но и впоследствии небезразличны, что отразилось в приветливом тоне их переписки.

В 1911 году автобиографические рефлексии Ремизова еще не подчинялись «авторской» стратегии писателя, слагающего миф о себе. Проблема собственного жизнеописания упиралась в аутентичное отражение реальных фактов, которые не всегда могли в полной мере вместить в себя подлинную историю становления его творческого кредо, происходящую не на внешнем, а на глубинном уровне внутрен-

¹⁷ См.: Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2003. Т. 10: Петербургский буерак. С. 199—200.

¹⁸ ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 4. Ед. хр. 4. Л. 71. Ср., возможно, аналогичный стиль изготовления дарственной надписи, о котором Ремизов упоминает в письме Измайлову от 29 ноября 1911 года: «V т. мой я потому Вам не посылаю, что „Шиповники“ Вам дадут. А надпишу я Вам на старинной бумаге и листок вклею в книгу у Вас» (Цит. по: Измайлов А. А. Переписка с современниками. С. 339).

¹⁹ Подробнее историю эпистолярных взаимоотношений Ремизова и Измайлова см.: Там же. С. 323—327.

²⁰ См. письмо Ремизова Измайлову от 11 августа 1911 года: Там же. С. 329.

²¹ См.: А. [Измайлов А. А.] В волшебном царстве. А. М. Ремизов и его коллекция // Огонек. 1911. 29 окт. (11 нояб.). № 44. С. 10—11.

ней рефлексии. В этом году известность Ремизова и его вклад в современную литературу стали настолько очевидными и неоспоримыми, что С. А. Венгеров, задумывая трехтомник «Русская литература XX века», включил очерк о нем в план этого авторитетного научного издания. По замыслу составителя историко-литературный справочник должен был репрезентировать имена ведущих писателей очерками, посвященными обзору их творческого пути, работа над которыми по заказу была распределена между известными критиками. Несмотря на очевидный положительный фактор, способствующий литературной карьере, Ремизова не на шутку взволновал вопрос, кто станет автором очерка о нем. Причину беспокойств мы можем объяснить, полагаясь на поздние воспоминания Ремизова. Объективно говоря, они построены по законам художественного произведения и часто искажают реальные факты, однако содержат некоторые оценки собственного творчества «чужими глазами», которые «законсервировали» во времени отражение реальности. В частности, замечания Ремизова, относящиеся к пониманию спектра его литературного дарования, высказанные в очерке «Магия», как представляется, были близки к истине и в 1911 году. Ремизов, рассуждая о своей литературной известности, констатировал: «Для передовой русской интеллигенции — для общественности — я был писатель, но имя мое — или на нем тина „Пруда“, или веселые огни „Бесовского действа”». ²² Именно этой односложности суждений и опасался Ремизов, когда узнал, что очерк о нем заказан известному представителю символистского круга Г. И. Чулкову. В решении Венгерова сказалась своя закономерность. Было известно, что именно этот литератор был одним из тех, кто помог бывшим политическим ссыльным Ремизову и его жене добиться отмены запрета на поселение в столичных городах, действующего в течение пяти лет после освобождения. В 1904 году, при поддержке Чулкова, начинающий писатель подавал прошения в Департамент полиции, и разрешение было получено. В 1905 году Чулков же пригласил Ремизова на службу в редакцию «Вопросов жизни» ²³ и сыграл позитивную роль в утверждении Ремизова как автора этого печатного издания. Между тем, дружеские отношения между писателями не сложились по многим причинам, среди которых немало важным оказалось бытовое испытание, когда Ремизовым с маленькой дочерью и супругам Чулковым пришлось делить общую квартиру при редакции «Вопросов жизни» в Саперном переулке. Обе семьи тяготились вынужденным соседством. Сближению не способствовал даже искренний интерес Чулкова-критика к ремизовскому творчеству. ²⁴

Сам писатель мог бы с доверием предоставить свое авторское Я в качестве предмета исследования, пожалуй, только двоим из литераторов. ²⁵ Первым, конечно, он считал Шестова, как человека, умевшего выразить языком философии его художественные интуиции в понимании смысла бытия, существующего на переломе рационального, абсурда и метафизического. Вторым — ставшего близким приятелем Иванова-Разумника, философская критика которого так же, как и у Шестова, была направлена на изучение основной экзистенциальной проблемы смысла жизни. Однако обстоятельства не благоприятствовали Ремизову: Шестов, имевший множество обязательств перед издательствами по своим сочинениям, просил его не

²² Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 10: Петербургский буерак. С. 201.

²³ Подробнее см.: Чулков Г. Годы странствий. Из книги воспоминаний. М., 1930. С. 65—80.

²⁴ Рецензии Чулкова см.: Алексей Михайлович Ремизов: Библиография (1902—2013) / Авт.-сост. Е. Р. Обатнина, Е. Е. Вахненко. СПб., 2016.

²⁵ Ср., в частности, письмо Иванова-Разумника от 17 ноября 1911 года, в котором критик настоятельно советует Ремизову предложить Венгеру в качестве авторов для биографического очерка М. О. Гершензона и Льва Шестова (Письма Р. В. Иванова-Разумника к А. М. Ремизову (1908—1944) / Публ. Е. Р. Обатниной, В. Г. Белоуса и Ж. Шерона. Вступ. заметка и комм. Е. Обатниной и В. Г. Белоуса // Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре: Публикации и исследования. СПб., 1998. Вып. 2. С. 60).

включать в этот ответственный и ограниченный в сроках проект.²⁶ В свою очередь, Иванов-Разумник, считавший Ремизова одним «из самых крупных и оригинальнейших в современной русской литературе», как раз в конце 1911 года выпустил том литературной критики, содержащий обширную статью о Ремизове.²⁷

Сомнениями по поводу утвержденной Венгероым кандидатуры для написания очерка Ремизов делился с М. О. Гершензоном: «Что Чулков там напишет, одному Богу известно. Мне не то важно, будет ли он ругать меня или потреплет по плечу: важно то, что не для чего все будет, впустую какую-то: и для читателя, и для меня. Кажется, 2 листа на меня полагается. Стало быть, 2 листа букв, т. е. 80 000 букв, одних букв».²⁸ Но именно Гершензон напомнил своему младшему корреспонденту о позиции независимости от «взгляда со стороны», высказав свое мнение: «...для Вас важно только, что *Вы* пишете, — а там все само собой устави-ся на свои полочки».²⁹

Тем временем Ремизов получил от Чулкова письмо с просьбой раскрыть основные этапы биографии и творческого становления. По-видимому, еще испытывая внутреннюю дисгармонию, писатель составил ответ, в котором практически декларативно сформулировал идею своего творчества, содержание которой, на первый взгляд, носило парадоксальный характер: «Д. Г. И. К сведению Вашему: автобиографических произведений у меня нет. Конечно, как в прудовых, так и в посолонных рассказах есть о самом себе, но это не перст, указующий: зри. И очень прошу Вас, в статье Вашей обойдите вопрос автобиографический. Уяснить ничего не уяснится, а напутать можно много, ибо не совпадаю я ни с одним из своих героев, и жизнь моя прошла не так, как в рассказах идет».³⁰

В 1911 году Ремизов находился в творческом поиске, в какую форму облечь собственное жизнеописание. Прежде всего, нужно было отрефлексировать собственный статус писателя и понять, может ли он разделить свое сознание на условно объективное авторское Я и Я субъективное. Эта селекция ему явно не давалась. Личное решение этой дилеммы оказалось очень простым — не реалии собственной жизни, а суть авторского Я, пронизывающее реальность, становится главным действующим субъектом ремизовской прозы.³¹

В 1912 году, в автобиографии, написанной в качестве дополнения к очерку Чулкова, раскрывая собственное творческое кредо, Ремизов внес определенное уточнение: «Автобиографических произведений у меня нет. Все и во всем автобиография: и мертвец Бородин (Собр. соч. Т. I. Жертва) — я самый и есть, себя описываю, и кот Котофей Котофеич (Собр. соч. Т. IV. К Морю-Океану) — я самый и есть, себя описываю, и Петька («Петушок» в Альманахе XVI Шиповника) тоже я, себя

²⁶ Ср. Письмо Шестова Ремизову от 29 августа 1911 года: «Теперь насчет Венгерова. Я отказался писать для него о Мережковском. О тебе он мне не предлагал писать — да я и не решусь взяться: боюсь срочной работы. Если мне придется о тебе написать — я могу, ведь в „Речи“ или в „Р(усской) М(ысли)“ напечатать» (Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым / Вступ. заметка, подг. текста и прим. И. Ф. Даниловой и А. А. Данилевского // Русская литература. 1992. № 4. С. 102). Шестов активно предлагал кандидатуру Лундберга, но мотивы этой рекомендации были, скорее, гуманитарного свойства — из желания помочь начинающему литератору (см.: Там же).

²⁷ См.: Иванов-Разумник Р. В. Творчество А. Ремизова // Иванов-Разумник Р. В. Творчество и критика: Статьи критические. СПб., 1912. С. 80—109 (Собр. соч.; т. 2).

²⁸ Гершензон М. О. «Узнать и полюбить». Из переписки 1893—1925 годов / Сост., комм. Е. Ю. Литвин. М.; СПб., 2016. С. 319.

²⁹ Там же. С. 320.

³⁰ Письма А. М. Ремизова к Г. И. Чулкову / Публ., вступ. статья, комм. М. В. Михайловой // Кафедральные записки: Вопросы новой и новейшей русской литературы. М., 2002. С. 236—237. См. также о принципах автобиографического подтекста в произведениях Ремизова: Грачева А. М. Алексей Ремизов и древнерусская культура. СПб., 2000. С. 36.

³¹ См. подробнее: Обатнина Е. Ремизов: Личность и творческие практики писателя. М., 2008. С. 27—45.

описываю». ³² Амбивалентность авторского Я, вмещающего в себя также и не-Я, отчетливо проявилась в построении образа Корнетова, в котором отразились как черты личности самого Ремизова, так и те, что он присвоил как собственные, соприродные, позаимствовав у других реальных лиц. В частности, быт Корнетова и его пристрастие к глаголической палеографии восприняты Ремизовым через личность И. А. Шляпкина и обстановку его дома, наполненного предметами славянской материальной культуры. ³³ Проект Венгерова не состоялся, и написанный в 1911 году очерк Чулкова «Сны в подполье» впервые увидел свет лишь в его авторском сборнике «Наши спутники» (М., 1922).

Спустя еще одно десятилетие Чулков напишет воспоминания о своих литературных встречах, в которых уделит Ремизову значительный фрагмент. В контексте темы ремизовской биографии, впервые обозначившейся в 1911 году, особого внимания заслуживает признание мемуариста: «Нелегко разгадать Ремизова, как художника, и приблизиться к пониманию его личности, и быть может, еще труднее полюбить его. (...) Как человека я знаю А. М. Ремизова довольно хорошо». ³⁴ Именно на страницах книги Чулкова впервые биография Ремизова пополнилась историей, известной лишь узкому кругу литераторов, которую сам Ремизов именовал как «Судное дело о обезьяньем хвосте».

В рукописи «На вечерней заре» этот эпизод, номинативно обозначенный в преамбуле к письмам 1911 года, уже звучит отдаленным эхом, поскольку хронологически он был связан с маскарадом в доме Федора Сологуба, состоявшимся 3 января. Неожиданные последствия этого праздничного вечера (включающие бурную переписку практически всего символистского ареопага, третейские суды о чести и достоинстве участников) прищлись на февраль. Этот эпизод является наилучшей иллюстрацией того, как стихийно, из самой биографической канвы писателя складывались его будущие творческие построения. Знаменитая Обезьянья Великая и Вольная Палата — литературная игра, при помощи которой Ремизов создал свой утопический мир дружеского сообщества, — постепенно обрела символы и идейное наполнение. Так в 1911 году по сути произошла реализация приема *pars pro toto*: обезьяний хвост, пока лишь даже для самого Ремизова невнятно ассоциированный с образом героя «Трагедии о Иуде принце Искаротском» — Верховного правителя всех обезьян царя Асыки Первого, еще не успев достиг театральных подмостков, ³⁵ уже покинул текст пьесы и стал осваиваться в литературном быту.

На маскараде у Сологуба появление писателя с привязанным к костюму обезьяньим хвостом произвело настоящий фурор в сравнении со многими масками и костюмами. В конце 1940-х Ремизов писал, вспоминая начало 1911 года: «В то время в Петербурге снова, как в старые годы, была мода на ряжанье. Обыкновенно я рядился в козлиную маску, а потом ни во что не рядился, а в своем виде — тоже от „паясничества“! — на последнем же вечере у Сологуба „появился“ самим собой и только сзади „обезьяний“ хвост». ³⁶ Уже на следующий день праздник был омрачен неожиданно вскрывшимся «преступлением» — хвост оказался отрезан от обезьяньей шкуры, позаимствованной хозяйкой дома специально для этого вечера. Началось расследование и обвинение пало на Ремизова, который в своем объяснении А. Н. Чеботаревской рассказал, что хвост оказался в его распоряжении днем рань-

³² Цит. по: Грачева А. М. Революционер Алексей Ремизов: Миф и реальность // Лица: Биографический альманах. М.; СПб., 1993. Т. 3. С. 442.

³³ Подробнее о корреляциях образа Корнетова и личности И. А. Шляпкина см.: Грачева А. М. Алексей Ремизов и древнерусская литература. С. 80—91.

³⁴ Чулков Г. Годы странствий. С. 169.

³⁵ Первая постановка пьесы состоялась лишь в 1917 году. Сценическую историю «Трагедии о Иуде Искаротском» см.: Ремизов А. М. Собр. соч. СПб., 2016. Т. 12: Русалия. С. 786—796.

³⁶ На вечерней заре: Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло / Подг. текста и комм. А. д'Амелия // *Europa Orientalis*. 1987. № VI. С. 470—471.

ше — на маскараде у А. Н. Толстого, где был найден среди груды маскарадных костюмов. Сам факт порчи имущества вскоре оказался на периферии внимания участников инцидента. На авансцену вышли закулисные эмоции, тайное недоброжелательство, дамское соперничество, легкомыслие одних и скучное доктринерство других — целый спектр человеческих страстей, а не стоящий долгих обсуждений проступок выявил моральную проблему, вскрывшую сущность давно сложившихся отношений между известными литераторами.³⁷ Лично для Ремизова его же шутка обернулась провокацией, подвергшей переоценке дружеские чувства к А. Н. Толстому, которого он был склонен считать своим литературным учеником.³⁸

Весь предмет обсуждений — маскарадные обезьяньи шкуры, от которых некто отрезал хвосты³⁹ — оставались лишь бытовым недоразумением, пока не затронули личного достоинства писателя, который, как оказалось, скрывает за своими масками и карнавальными образами ранимую и даже болезненно уязвленную душу. Толстой посчитал, что шутнику Ремизову все сойдет даже на суде таких моралистов, как Федор Сологуб и Вяч. Иванов, и обвинил его в порче чужого имущества — этих несчастных обезьяньих шкур.

Вероятно, третейский суд, затеянный Вяч. Ивановым над А. Н. Толстым, по которому последний был принужден принести свои извинения за облыжное обвинение, в значительной степени повлиял и на ремизовскую градацию шутливых поступков, различающую озорство безобидное и озорство оскорбительное, разъединяющее людей. В письмах к жене писатель дважды упомянул имя обидчика. Рассказывая 8 марта о своих встречах на сологубовских журфиксах, он сообщил: «И Сомов, и Нувель о Толстом отзываются очень неблагоприятно». Другое упоминание о Толстом связано с актуальной для Ремизова темой творческой биографии. В оригинальном письме имеется лишь короткая констатация литературной новости: «Был Ив(анов-)Разумник в положенный час. Рассказывал, как один его знакомый — начинающий критик собирается писать целую книгу о А(лексее) Толстом». Однако в рукописи «На вечерней заре» неприязнь, возникшая к бывшему приятелю в 1911 году, дополнилась негативным отношением к начинанию безвестного критика, выбравшего недостойный истории литературы субъект описания: «Чудак человек и нашел время тратить», — написал Ремизов, добавив: «Но я этого Разумнику не сказал».

Очевидно, самому писателю эта история изрядно наскучила. Не желая снова пересказывать ситуацию, при которой Вяч. Иванов и Федор Сологуб заключили перемирие после утомительных разбирательств, кто кого оскорбил, доискиваясь истины в маскарадном инциденте, в редакции письма от 5/6 марта, включенного в главу рукописи, он лишь обмолвился: «О вчерашнем: как Сологуб с Вя(чеславом) Ивановым помирились. [Поссорились из-за обрезанного обезьяньего хвоста]». И продолжил, очевидно, сделав заметку самому себе для памяти: «Вчерашнее — это как запись должно быть кратко, а с повторениями рассказ вести не годится, хотя бы о „хвосте”». В оригинальных письмах мартовские отзвуки маскарадной истории отразились лишь в коротком пересказе беседы, состоявшейся 8 марта между гостями Сологуба и Чеботаревской: «Распрашивали о Толстом и хвосте, о Мережковских».

³⁷ Подробнее см.: *Обатнина Е.* Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А. М. Ремизова в лицах и документах. С. 59—78.

³⁸ См.: *Толстая Е.* Ключи счастья: Алексей Толстой и литературный Петербург. М., 2013. С. 25, 27, 68, 71. См. также: *На вечерней заре 1909* (I). С. 165.

³⁹ Ср. версию, будто виновником этого инцидента стал А. Н. Бенуа (*Дымшиц-Толстая С. И.* [Воспоминания] // *Воспоминания об А. Н. Толстом.* М., 1982. С. 13—14), и верификацию этого утверждения по правке в черновой рукописи воспоминаний, которая изобличает сомнительную правдоподобность изложения истории «преступления», приписанного мемуаристкой Бенуа (*Толстая Е.* Ключи счастья. С. 79).

Судя по состоянию рукописи «На вечерней заре», Ремизов еще не был готов и к подробному описанию этого биографического сюжета. Тем не менее, в контексте автобиографической книги «Мышкина дудочка», над которой работал в 1946 году, практически одновременно формируя свой эпистолярный роман «На вечерней заре», он счел необходимым дать собственную оценку давно минувшим событиям. Мотивом для воспоминаний послужили опубликованные к этому времени различные интерпретации данного факта его биографии. Как это ни удивительно, но после выхода в свет воспоминаний Чулкова маскарадная история 1911 года стала едва ли не дежурным анекдотом про чудачества и «мистификации» Ремизова в мемуарной литературе эмиграции. Причем характерно, что многие из авторов, зная о маскараде лишь понаслышке, считали писателя повинным в порче шкур. Откликаясь на подобные попытки навязать ему биографию, увиденную чужими глазами, в очерке «Чародеи» Ремизов в неподражаемой иронической манере сделал окончательное признание: «...у всех был в памяти „оборванный обезьяний хвост” из звериного собрания абиссинского доктора Владыкина — ценнейший дар Негуса. (Все, кто писал о том времени, конечно, единогласно обвиняют меня — и мне бы теперь ничего не стоило сказать «да, виноват», но говорю чистосердечно, в хвосте неповиновения, а кто у доктора оборвал хвост, не знаю)».⁴⁰

События 1911 года показали, какой многоликкой и подчас нелицеприятной может быть слава, которая, как известно, проходит, а память сохраняет не только триумф, но и житейские «помарки». Одним из индикаторов успеха в жизни известного писателя оказывается появление вокруг него пробующих перо дилетантов, среди которых на рубеже веков сложился особый слой так называемых «писателей из народа». Об этом социокультурном явлении критик Е. Колотоновская писала как о профанации литературного труда: «Дилетант-обыватель постепенно вытесняет литератора-специалиста (...) Журналы заполнены всякими дилетантскими произведениями — дневниками, воспоминаниями, повестями из личной жизни и т. п. Писатели по призванию, по профессии тонут среди них, как капли в море. Странная полоса! Пишут все... И нужно отдать справедливость, пишут недурно — „гладко”, занимательно. Пишут в обилии, энергично стучатся в литературу, требуют от писателей, чтобы те поменялись с ними ролями и занялись чтением их творчества».⁴¹ Характерной чертой литературы, «пришедшей снизу», Колотоновская назвала откровенную ненависть к интеллигенции. Обличительный пафос, возвращенный на уязвленном чувстве собственного достоинства, был нередко единственным мотивом для творчества. В письме Ремизова к Серафиме Павловне от 6—7 марта встречается упоминание о навязчивых домогательствах одного из таких «самородков»: «Опять ко мне приходил тот — из ночлежки — и как я не отговаривался, дал-таки мне свою рукопись. Вроде М. С. Сивачева не вышло бы». Контекст письма прямо ассоциирован с эпизодом, вызвавшим болезненные реакции писателя и объективировавшим тему его собственной биографии, представленной извне.

В марте в литературном мире произошло одно примечательное событие: издательство «Современный мир» выпустило из печати первый том сочинений Михаила Сивачева с автобиографическим романом «„Прокрустово ложе” (Записки литературного Макара)». Первая редакция романа вышла годом ранее, под названием «На суд читателя. Записки литературного Макара» (М., 1910. Вып. 1—2). Уже тогда роман получил скандальный резонанс, поскольку здесь в сугубо субъективной форме, пронизанной ожесточенным мировоззрением и глубоким скепсисом, были представлены реальные лица литературного мира провинции, Москвы и Петербурга с полным раскрытием имен. Во втором, переработанном издании романа (в рам-

⁴⁰ Впервые: Ремизов А. Чародеи // Новоселье. 1946. № 27/28. С. 3—19. Цит. по: Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 10: Петербургский буерак. С. 37.

⁴¹ Колотоновская Е. Литература и «писатели из народа» // Новое время. 1911. 14 марта. № 71. С. 3.

ках собрания сочинений) появился рассказ и о Ремизове. Хотя все фамилии и имена были уже сняты или заменены начальными буквами реальных фамилий, в литературных кругах все узнали друг друга. Сивачев описал две встречи с Ремизовым в Пензе (1896) и в Петербурге (1905). Как раз тогда возник журнал «Вопросы жизни», и Ремизов был принят в редакцию на должность секретаря и заведующего хозяйственной частью. Личность Ремизова Сивачев охарактеризовал в самом неприглядном свете. На страницах мемуарных записок писатель представлен как циничный провокатор в среде революционно настроенной молодежи Пензы; карьерист, устраивающий судьбу в столичной литературной среде. Сивачев в своем обличительном порыве, в частности, не преминул напомнить и о скандальных историях, связанных с литературной биографией своего давнего знакомого: «Таким все легко дается, ибо они на все легко смотрят. Теперь он уж писатель с именем: кривляющийся, ломающийся, пишущий по сезону: в моде проблемы пола — он пишет „о скотоложцах“. Писатель с именем, не стесняющийся списывать у других и выдавать за свое»,⁴² — писал Сивачев, указывая и на издание сказки «Что есть табак», и на обвинение Ремизова в плагиате летом 1909 года. О том, что биография, представленная «чужими глазами», задела самолюбие писателя, в письмах жене свидетельствует лишь маленькое упоминание, которое сопровождается позднейшим коротким комментарием в квадратных скобках: «[Ходил в «Вопросы жизни», уверенный, что я редактор, приму рукопись и выдам аванс, но я ни того, ни другого не мог сделать и получилось: он выпустил книгу и мне посвятил ругательную страницу]». В воспоминаниях 1954—1955 года Ремизов вновь обратился к этому сюжету, считая негативное отношение Сивачева следствием ошибочных представлений последнего о его собственном положении в редакции «Вопросов жизни»: «Я служил в конторе и в редакцию не совался: я должен был передавать авторам рукописи с пометкой „В“, но без объяснений. Случались недоразумения: читаю в книге Сивачева (...): обиженный автор на мое „без объяснений“ готов был развернуться и прописать мне по морде „на добрую память“».⁴³

Если два таких сомнительных для идеальной биографии эпизода, как откровения Сивачева и маскарадное происшествие, все же нашли номинативное упоминание в главе, посвященной 1911 году, то историю несостоявшегося творческого союза с авангардистами мы можем смело отнести к категории «забытых» Ремизовым фрагментов собственной биографии. В письме от 10/11 марта встречается короткое упоминание о новой приятельнице — Е. Г. Гуро. По свидетельству М. В. Матюшина, весной 1911 года он и его супруга, поэтесса и художница Е. Г. Гуро, познакомились с Ремизовыми. Поначалу их объединяла взаимная симпатия и общие творческие планы. В частности, вынашивался проект совместного поэтического сборника под редакцией Ремизова и Гуро. Казалось бы, возникший творческий диалог с авангардистами, к которому Ремизов был расположен благодаря своим дружеским связям с семейством Бурлюков и общению с В. Хлебниковым, мог бы стать украшением автобиографии писателя, достойным отдельного рассказа. Однако подмешанные в историю этих отношений факторы, содержание которых едва ли

⁴² Сивачев М. Г. «Прокустово ложе». Записки литературного Макара: В 2 кн. М., 1911. Кн. 1. С. 153—154 (Собр. соч.; т. 1).

⁴³ Цит. по: Ремизов А. О понимании // Ремизов А. Кукха. Розановы письма / Изд. подг. Е. Р. Обатнина. СПб., 2011. С. 214—215 (сер. «Литературные памятники»). Ср. также письмо Ремизова М. О. Гершензону от 7 августа 1907 года: «Я занимался в „Вопросах жизни“ ведением бухгалтерии (несложной), хранил кассу, высчитывал гонорары, регистрировал рукописи, вел корреспонденцию, занимался экспедицией, занимал ожидающих редактора писателей, доставлял всевозможные справки и, принимаемый иногда за что-то вершачье, научился принимать на себя гнев особ, рукописи коих поступали мне для возвращения» (Гершензон М. «Узнать и полюбить». Из переписки 1893—1925 годов. С. 308—309).

мы сможем восстановить и верифицировать, создали условия для того, чтобы Ремизов не включил этот сюжет в контекст автобиографического повествования.

Еще летом 1911 года между Ремизовой-Довгелло и Гуро поддерживалась дружеская переписка.⁴⁴ Однако в конце года эти взаимоотношения резко расстроились. Практически два десятилетия спустя эта печальная история была реконструирована с подробностями в дневниковых записях Матюшина за 1929 год. Поводом для такой реставрации послужила прочитанная им в недавно опубликованных дневниках А. Блока строчка, связанная с именем Вл. Пяста, в то время ближайшего друга поэта: «С Пястом говорили до 3-х часов. О сборнике — для помещения „Чина моей жизни“ (ссора Ремизовых с Гуро...)».⁴⁵ Матюшин в нескольких фрагментах дневника восстановил ход событий:

«Дело-то в том, что Ремизов изо всех сил старался (вероятно, для Блока) выпереть вперед Пяста, печатая его при всех удобных и неудобных случаях. Ремизов предложил Гуро выступить вместе в сборнике с ним и с Блоком и еще с кем-либо из молодых. Елена предложила своих друзей Бурлюков, Хлебникова, Бромлей. Ремизов нашел их всех неудобными и предложил заменить одним „молодым“ Пястом. Понятно, как это обидело и расстроило Лену, она, я помню, пришла от Ремизовых сильно взволнованная. Я поехал вечером к Ремизову и там очень горячо и крупно поговорил с ним и с его женой. Старался доказать, что Пяст „пустое место“. Ремизов страшно озлился и наговорил мне всякой дряни, вроде той, что я ничего не смыслю и не понимаю в литературе и что, мол, всяк сверчок знай свой шесток. Я прибавил, что если этот сборник издается на средства Елены, то уже по этому только одному она имеет право выбора... [После этого к нам приезжала жена Ремизова и привезла письмо к Лене очень скверное по отношению ко мне]⁴⁶ Вскоре после этого Лена получила письмо от Ремизова с весьма скверными отзывами обо мне, Лена ответила чудесным письмом с моей характеристикой как человека, который может много сделать плохого, но не изменяющего в дружбе и могущего стоять крепче, чем кто-либо за свои основные мысли. Так и кончился сборник с Пястом и Ремиз(овым). Всему этому предшествовало знакомство с Ремизовыми через Минович. Их поездка за границу в 1911 г., послали им 200 р(ублей), но их не <1 слово нрзб.>. Эти 200 р(ублей) возвращались с большим трудом, мален(ькими) частями. Ссора не помешала мне поехать к Ремизовым перед Рождеством, так как я узнал, что жена Ремиз(ова) Сер(афима) Павлов(на) больна, и им обоим очень трудно справиться перед праздником. Я застал Сер(афиму) Павлов(ну) совсем больную, велел купить им всего, что надо на праздник и так и сделал, накупил всего и отправил с посылным. И все-таки после этого отношения с Ремизовым не наладились. Тем более, что вскоре началась работа по изданию II Садка судей, Верблюжат, Осенний Сон. Ряд выступлений, диспутов, поставивших твердую грань между нами и Пястами.

Весной 1911 года Малахьева-Минович познакомила Елену Гуро и меня с Ал(ексеем) Мих(айловичем) Ремизов(ым) и его женой Сер(афимой) Павл(овной). Ремизов наговорил много хорошего Лене по поводу творчества и все последнее время говорил о том, чтобы издать новый сборник с „молодыми“ и кое с кем из *столпов*. Ремизовы после поездки за границу приезжали к нам на дачу в Сега-милью (приморский хутор) и здесь продолжались разговоры о сборнике, кончившиеся так плачевно перед Рожд(еством) 1911 г(ода). Это и была та ссора, о которой Блок пишет в своем дневнике».⁴⁷

⁴⁴ См.: РГАЛИ. Ф. 134. Оп. 1. № 35; а также: ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. № 1221.

⁴⁵ Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 7. С. 104.

⁴⁶ В квадратных скобках здесь приведен зачеркнутый текст.

⁴⁷ ИРЛИ. Ф. 656. Оп. 1. № 186. Л. 30 об. — 33 об. Упоминания об этом эпизоде также см.: Матюшин М. Русские кубофутуристы // Харджиев Н., Малевич К., Матюшин М. К истории русского авангарда / Послесловие Р. Якобсона. Стокгольм, 1976. С. 144.

Именно этот «забытый» эпизод, окрашенный негативными воспоминаниями, закономерно оказался вытесненным из авторского сознания, как обычное человеческое несовпадение. Между тем опосредованные эго-документы, какими являются дневники современников, несут в себе существенные дополнения к биографической канве писателя. С одной стороны, благодаря им восстанавливаются утраченные фрагменты, с другой — обнажается избирательный принцип автобиографического повествования, в котором автор создает систему ценностей, уже исходя из опыта пройденного пути. Тем более что в 1911—1912 годах Ремизов, действительно, был очень дружен с Блоком и, очевидно, старался защищать интересы ближайшего окружения поэта.

В 1911 году Ремизов все больше и больше дистанцируется от течений и литературных группировок, погружаясь в собственные творческие планы, которые, на первый взгляд, имели ретроспективный характер. Неудовлетворенность уже дважды переработанным романом «Пруд», казалось бы, толкала его к возвращению на пройденные пути, замедляя поиск новых сюжетов и образов. Однако внутри этого авторского перфекционизма зрела идея формирования архитектоники и звучания прозы, наиболее соответствующей его творческой индивидуальности. «Пруд» — первый и самый исповедальный автобиографический роман. Рассказ о детстве и юности в новой художественной форме — задача гораздо более сложная, чем написание очерков для справочных биографических изданий, тем более что внутренне писатель стремился к преодолению глубокого комплекса психологических травм, связанных с годами, проведенными на задворках имения своего знаменитого дядюшки — Н. А. Найденова. Кроме того, он был искренне увлечен художественной рефлексией всех подаренных в эти годы судьбой открытий красоты, гармонии, добра и зла, человеческой слабости и величия, которые способствовали возникновению в нем неизбывной потребности рассказывать о жизни, увиденной своими глазами.

Небольшая переписка, возникшая во время непродолжительного отъезда Серяфимы Павловны в Берестовец, заканчивается решением поехать в Париж. Наконец осуществилась давняя мечта, отразившаяся и в повести «Крестовые сестры», герои которой грезят этим городом как местом осуществления своих самых сокровенных надежд. В Париже Ремизов переписал свой первый роман «Пруд». Третья редакция, созданная летом 1911 года, была признана критиками и ближайшим кругом литераторов едва ли не принципиально заново созданным произведением.⁴⁸ Первый выезд Ремизовых за границу занял практически четыре месяца: с 22 апреля по 19 июля. Два месяца они находились во Франции (жили в Париже и Версале), затем переместились в Швейцарию (Женева, Коппе), где произошла долгожданная встреча с Л. И. Шестовым. Обратный путь в Россию лежал через Германию, где путешественники остановились на несколько дней в Нюрнберге.

* * *

Глава из рукописи «На вечерней заре» и оригиналы писем Ремизова за 1911 год печатаются по автографам, хранящимся в Государственном Литературном музее (Ф. 156). Тексты воспроизводятся в соответствии с правилами современной орфографии и пунктуации с сохранением характерных особенностей ремизов-

⁴⁸ Ср. наблюдения Иванова-Разумника, пристально следившего за развитием литературного таланта Ремизова: «Интересно сравнить редакцию собрания его сочинений (1911 г.) с первоначальным текстом тех же произведений: ценнейший материал для изучения психологии и эволюции творчества! Сравните „Часы“ или „Пруд“ первых изданий (1905 и 1907 г.) с текстом этих же романов в собрании сочинений — почти ни одна фраза не осталась без изменений, некоторых страниц узнать нельзя. К изучению всего этого когда-нибудь еще вернется русская критика» (*Иванов-Разумник Р. В. Творчество А. Ремизова. С. 109*).

ского синтаксиса и написания отдельных слов. В примечаниях персоналии, упомянутые в предшествующие годы (1907—1909), не поясняются.

В текстах оригинальных писем встречаются густо зачеркнутые или стертые фрагменты текста, которые отмечены публикаторами конъектурой в угловых скобках: нрзб. Для удобства чтения в оригиналах писем также в угловых скобках восстановлены фамилии упомянутых лиц.

ПЕТЕРБУРГ

1911 г.

Таврическая, д. Хренова¹

Начало дела «о обезьяньем хвосте» — моем украшении на
маскараде Сологуба.

Собр. соч. 1910—1913 <sic!>. Изд. Шиповник—Сирин.²

Петербург 1911

2—3 марта

(среда—четверг)

2 ч<аса> н<очи>

До 2-х просидел Пришвин. Я в твоём платке, холодно что-то.

В час во время пришвинского чтения икота напала: перевели тебя в другое отделение [в вагоне], верно, ты поминала цветы: пунцовая роза, белая роза, пять махровых бело-алых гвоздик очень крупных, два папоротника, да ветка мимозы — поставил к Слону. [В ту пору моя любимая игрушка].

Читал Пришвин свой рассказ [«Птичье кладбище»], я исправляю.³ Напоминает «Черного арапа» <sic!>.⁴ Ничего. Любопытно.

Встретил Бурлючку⁵ при выходе из вокзала, а Пришвин, глупый, потащился на Николаевский и там у киоска ждал меня. Вернулся один, чай пил.

О религиозном собрании Пришвина не спрашивал,⁶ узнаю у Алекс<андры> Ник<олаевны> (Чеботаревской).⁷

О Пришвинском рассказе писать-расписывать не хочется: ничего особенного: нет такого, чтобы задело. Опять о охоте, опять гуси. Я посоветовал назвать не «Птичье кладбище», а «Гусиная ночь», потому что о кладбище птичьим ничего не говорится.

До свидания. Спать лягу. Будь осторожна без меня.

Завтра утром скажу Броне [прислуга] письмо опустить. Это маленькое письмо.

Как Бубука? [Наташа].⁸ Как она? Как носик? Как ушки?

[С<ерафима> П<авловна> поехала в Берестовец, к Наташе].

Петербург 1911

3—4 марта

(четверг)

2 ч<аса> н<очи>

Досидел я до ночи один. Никого, слава Богу. Так мне все надоело. Поднялся в 10-ть. Корректурa из сборника «Против землетрясения» [?] ⁹ Исправил, должно быть, ошибок не сделал. Писем никаких.

Во сне: будто сидим мы с тобой, разговариваем. Вдруг звонок. И<де>м к двери — входит Рязановский,¹⁰ но не Иван Александрыч <sic!>, а его «брат», очень на него похож и также тычется, только рыжий, а вместо очков гуттаперчивые розовые соски. «За цветами?» — сказал он и прошел в твою комнату.

И я вижу, как он, подергав Слона за хвост, наставил свои присоски к цветам.
И съел их.

Цветы в твоей комнате, сторожит Слон, я сохраню их до твоего возвращения.

Комнату свою прибрал, книги расставил. Взял свои «Записные листки». И думаю: о «Турке» (рассказ «Галстук»),¹¹ о «Георгии» («Егорий Храбрый», пьеса)¹² и о «Пруде» (новая редакция для Собр(ания) соч(инений). Шиповник — Сирин, СПб. 1910—1912).¹³ И пишу — сделал несколько заметок. Болела голова, но к «мозгам» прошло. Я теперь их буду каждый день есть: при одной мысли о «мозгах», вся боль уходит.¹⁴

Вот тебе отчет. А ты все еще в вагоне.

Если бы никто не приходил, ждал бы я тебя. И потом все б тебе рассказал. Разговоры разжижают.

Нашел в своих записках: «У Оли была кофточка ночная, заветная». И еще: «как любила она купаться». Записал, как ехали с Ивановым-Разумником по Волге [1910].¹⁵ А сейчас не помню, к какому это рассказу? [«Черная бабушка», Оля. I ч.].¹⁶

Знаю, много огорчит тебя, будь мудрой.¹⁷ Всего тебе хорошего. Тихо в доме, очень тихо. На воле опять мороз.

В «Нов(ом) Врем(ени)» о «Диких»: «негодуют, что в плен их взяли». ¹⁸ А в Г(осударственной) Думе чуть было не подрались из-за «курсисток»: очень уж один «русский» [правый] стал ругать, чуть не б...и.¹⁹

Петербург 1911

4—5 марта

пятница

½ 2 (часа) н(очи)

Вернулся с именин от Вя(чеслава) Иванова.²⁰ Гости: 2 сестры Беляевские,²¹ 2 сестры Чеботаревские,²² Сологуб, Мосолов,²³ Мейерхольд с Ольгой Михайлов-ной,²⁴ Аничков²⁵ с Верховским,²⁶ М. А. Кузмин. Я пришел в 10-ть.

Вя(чеслав) Иванов остался доволен моим подарком: 2 рыбы и, знаешь, халва осталась и черешни²⁷ — «грачи принесли». Сегодня — 4. III — ведь грачи прилетели.
(Рисунок с надписями: Халва. Черешни. — Е. О.)

Мейерхольд принес 4 живые рыбы в банке, наклейка «Садок судей» [Только что вышел сборник футуристов: Хлебник(ов), Бурлюк — 200 экз. сборника хранится у меня].²⁸

Рассматривали и толковали подарки. Потом Вя(чеслав) Иванов Аничкову о его лекции «объяснялся». ²⁹ В 12 ч(асов) н(очи) чай.

Я рассказывал о пауасах [Рассказ «Дикие»], как в Пассаже смотрел на их пляску, а подробности встречи только одному Аничкову.³⁰

Письмо от М. О. Гершензона: посылает отклик своей статьи³¹ и о Пришвине — ему нравятся такие его вещи, где он не рассуждает.³²

Это верно. Мысль у Пришвина короткая и большой глаз. А большой соблазн порассуждать, влияние Рус(ских) ведом(остей)³³ и Религиозно-Философ(ских) со-браний.³⁴

От Сологуба печатное приглашение: «во вторник в 9 ½ в(ечера) на чашку чая». Какой мещанский размах! Нет, уж я не пойду.

От Пришвина: придет завтра вечером с переписанным рассказом [Птичье кладбище].

Был Р. В. Иванов-Разумник. В «Рус(ское) Богатств(о)» по его словам, принят роман Пан(телеймона) С(ергеевича) Романова (Глухаря).³⁵ Какая семинарская скукота!

Пробовал писать я — плохо идет. Не могу я на людях, это от вчерашнего. Посижу да пройду по комнате и опять за стол. Ничего не выходит.

Порошок Ал(ександра) Леон(тьевича) Мендельсона³⁶ действует: после «мозгов» 〈в〉 сонливость не клонит.

Сон: Л. Н. Толстой будто ведет меня купаться — вместе купаться — и сидим мы с тобой в комнате и рассуждаем: надо поставить 3 кровати. Думаю: «Не для Бубуки³⁷ ли третью поставить?». А кто-то говорит: «Будете переезжать с места на место, как Ал(ексей) Толстой». От мысли, что придется переезжать, я проснулся.

Второй день ты сегодня в Берестовце. Как мне хочется сделать что-нибудь к твоему приезду — написать бы.

Всего тебе хорошего. Стирка идет всюю — Броня старается.³⁸

Петербург 1911

5—6 марта

суббота

1 ч(ас) н(очи)

Конечно, исполнял твою волю, но лучше было не заказывать: пришла Ал(ександра) Н(иколаевна) Чеботаревская «проведать». А попала она как раз к чаю. И сидела.

А я только что вернулся из «Шиповника» и расположился, думаю: «поем, выпью чаю и заниматься».

А начались разговоры. О вчерашнем: как Сологуб с Вя(чеславом) Ивановым помирились. [Поссорились из-за обрезанного обезьяньего хвоста].³⁹ Вчерашнее — это как запись должно быть кратко, а с повторениями рассказ вести не годится, хотя бы о «хвосте».

Уходя, обещала зайти в понедельник: сообщит о «Христианской секции».⁴⁰ Во вторник сговорился идти с ней к Сологубу.⁴¹ Пойду часов в 11-ь: будет читать Гидони,⁴² удовольствие небольшое.

О «Шиповнике»: получил деньги, отдал долг З. И. Гржебину 5 р(ублей), а 10-ь отдам в апреле; а эти 10 отдал Броне. Ш т(ом) Собр(ания) соч(инений) будет печататься в июне, IV-ый в июле — корректуру вышлют, куда укажу.⁴³

Ал(ександра) Н(иколаевна) Чеботаревская за дверь, звонок: Пришвин. Со всем он обалделый: уезжает — его брат застрелился.⁴⁴

Рассказывал о своем брате.

Я ему конь(я)ку дал выпить, который у нас оставался, помнишь, в бутылочке «с мухами». Он выпил. И уж совсем развелся: о брате и о гусях — все перемешалось. До осени не вернется.

Принял ванну. Ел «мозги». Так до твоего приезда буду мозжить.

В газетах: в «Итогах недели» (Москва) М. Арцыбашев о Л. Н. Толстом. Искренно написано.⁴⁵ Я тебе сохраню.

В «Новом Времени» В. В. Розанов по поводу вечера Сологуба: ругает.⁴⁶

Во сне: еду по железной дороге и прямо бух в воду со всем поездом.

Кажется, неделя прошла, а всего-то только 4-е вечера.

Завтра после «мозгов» пойду в парикмахерскую, а то чего доброго кто-нибудь влезет, угрожает Форшиха,⁴⁷ не дай Бог.

Я уж о тебе соскучился.

Письмо от А. П. Зонова: жалеет, что не зашел перед отъездом.

Петербург 1911
6—7 марта
воскресенье
1 ч(ас) н(очи)

Выходил гулять — до почты, купил марок, и Ф. Фриш [переводчица на немецкий] письмо отправил о «Крестовых сестрах» [Die Schwester im Kreuz. Georg Müller Verlag, München. 1913].⁴⁸

Форшиха — вчера не приходила.

Письма: 2 билета на выставку Стеллецкого из «Аполлона»;⁴⁹ тоненькая книга (отгиск) М. О. Гершензона о Киреевском;⁵⁰ Брамлей «Стихи и проза»⁵¹ от Вар(вары) Гр(игорьевны) Мирович;⁵² № 5 «Летопись Аполлона»;⁵³ повестка из Университета на завтра: лекция Е. В. Аничкова.⁵⁴

Аничков говорил мне на именинах, и я собирался идти с Пришвиным, но Пришвина нет. Аничков будет очень огорчен, если не пойду — а я с удовольствием остался бы дома, а то этак «проходишься» без остатка. Один боюсь туда забираться: заплутаюсь в коридорах. Завтра пойдет Ал(ександра) Н(иколаевна) Чеботаревская, и я переговорю с ней, потому что с Вяч(еславом) Ивановым я условился твердо, думая о Пришвине.

Опять ко мне приходил тот — из ночлежки — и как я не отговаривался, дал-таки мне свою рукопись. Вроде М. С. Сивачева не вышло бы. [Ходил в «Вопросы жизни», уверенный, что я редактор, приму рукопись и выдам аванс, но я ни того, ни другого не мог сделать и получилось: он выпустил книгу и мне посвятил ругательную страницу].⁵⁵

Тяжко мне с такими. Мучил он меня, по крайней мере, с час. Говорил и о Леониде Андрееве и о Шаляпине, которых он, само-собой, презирает, и что он такое написал, что еще никто не «писывал»: «один против всех».

Я ему дал 40 к(опеек), как в первый раз.

Заплатил за квартиру, за молоко, портному. И написал начерно «Галстук». Маленький выйдет рассказ, если его не разбавить происшествиями. Боюсь, только подробности отягчат, ведь, галстук! — вещичка не крупная.

Сон: какая-то ерунда и бестолочь.

Так оно и вышло.

Попишу-попишу, да пройдуся по комнатам, всякую пылинку сдую. К твоему приезду все будет в порядке. Газеты уложил, вату из твоего окна вынул.

В газетах: отчет о реферате Пуришкевича: «среди актеров, говорит, в России 40 % жидов!».⁵⁶ Да тоже «русский».

До свидания. Скоро письмо от тебя будет. Хотелось бы к твоему приезду приготовить «Галстук».

Петербург 1911
7—8 марта
понедельник
12 ч(асов) н(очи)

Вернулся с Ани(ч)ковой лекции.

Зашла Ал(ександра) Н(иколаевна) Чеботаревская без ¼ 8-ь и на № 4 [трамвай] отправились в Университет. Едва нашел — не был с 1907 года. Холод адов. (Ночью было 20°R).⁵⁷ На лекции только Верховский, а то все незнакомые. Голова разболелась: мигрень: левый глаз. И лекцию втянула в себя боль. Единственное спасение лечь.

Снилось мне это самое: вверх 10 аршин. Я обрадовал(ся), думал деньги получу. А ничего не получил.

Письмо от И. А. Рязановского. У него умерла мать. Приглашает к себе в Кострому на Царевскую. [Ив(ан) Ал(ександрович) Рязановский археолог].

Утром только что чаю напился, Ал(ександра) Н(иколаевна) Чеботаревская с письмом от Вя(чеслава) Иванова: на Аничкова ехать не может, заседание на Курсах.⁵⁸

Р. В. Разумник-Иванов принес «Рус(ские) Вед(омости)» с его первым фельетоном о Мережковском. Сохраню для тебя («Клопиные шкурки»).⁵⁹

Над второй редакцией «Галстука» — кончаю.

Днем солнечно, а холодно так, что открыл все трубы (паровое отопление). Ты, уезжая, все их закрыла!

Завтра к Сологубу я не пойду. Увижу, если такой холод — Бог <с> ним.

Броня влюбилась в Иванова-Разумника: очень уж услужлива, когда он приходит.

Не надо ли тебе денег? Из газет: на Киево-Воронежской ж(елезной) д(ороге) метелью засыпан путь.

Всего тебе хорошего. Жду письма. Завтра кончится глаженье.

Петербург 1911

8—9 марта

вторник

¼ 2 <часа> н(очи)

Что это письма от тебя ни одного?

Как-то ты доехала?

Холодно у нас, очень холодно.

Вчера, как лег, и вдруг голова прошла.

Во сне: Ив(ан) Вас(ильевич) Жилкин и Жилкина,⁶⁰ сидим мы за столом: стол «мозгами» завален, но я понимаю, что эти «мозги» искусственные и есть их нельзя, а Жилкины уписывают, как варенье. Входит Иванов-Разумник. «Здравствуйте!» — говорит. И Жилкины вдруг пропали. И Ив(анов-)Разумник пропал и только мы вдвоем над «мозгами».

С утра: Ал(ександра) Н(иколаевна) Чеботаревская, Ивойлов [Княжнин]⁶¹ и Верховский. Потом в 11-ь вечером опять Ал(ександра) Н(иколаевна) Чеботаревская, но уже не раздеваясь, и с ней Вера Конс(тантиневна) Шварсалон [потом жена Вяч(еслава) Иванова, дочь его жены Лидии Дм(итриевны) Зиновьевой-Анибал].⁶² Вяч(еслав) Иванов на заседание уехал и оттуда прямо к Сологубу.

И сейчас же мы втроем поехали на № 4, а там пешком добрались до Сологуба. Я думал, не застаю разговоров Гидони. Куда там: он начал языком работать с ½ 10-го, а кончил ¾ 12-го.

Какая-то дама, ходит с Анаст(асией) Ник(олаевной) Сологуб,⁶³ Попов, режиссер, Н. Н. Евреинов, Судейкин, О(льга) Афан(асьевна) Судейкина-Глебова, Потемкин с Хаванской,⁶⁴ Сандуленко (певица)⁶⁵ с В. А. Сениловым (композитор, [написал оперу на моего «Егория Храброго»]),⁶⁶ Сюннерберг, Чириков с Чириковой, А. А. Кондратьев, Дм. М. Цензор.⁶⁷

Начались прения.

Я с В. Ф. Нувелем⁶⁸ пошел чай пить. А тут и К(онстантин) Ан(дреевич) Сомов. После чаю сели в кабинете Сологуба.

Разговор о Ал(ексее) Н(иколаевиче) Толстом и о «обезьяньем хвосте»⁶⁹ и о Мережковских. Нувель говорит, что если они квартиру сдадут [на Литейном, в доме Мурузи],⁷⁰ то не потому, что за границей собираются всегда жить, а хотят нанять под Петербургом. Стало быть, скоро вернутся в Петербург. И еще: новое заграничное средство: [но отчего, не помню] римская ромашка через 2 часа после еды по чашке.

Прения кончились.

Ауслендер с женой,⁷¹ Вера Евг(еньевна) Копельман с сестрой Копельмана⁷² — «золотой цветок» (по Ю. Верховскому),⁷³ Вяч(еслав) Иванов, Верховский, Доктор Владыкин,⁷⁴ Т. Л. Щепкина-Куперник.

Заглянул я в зал и пошел домой.

Разговоры о Ал(ексее) Толстом, о «хвосте» и о театре очень скучно.

Гидони хочет занять «руководительную» роль в предполагаемом театре,⁷⁵ вот и старается. Слова вылетают у него бестолку, но в таком количестве, на соображение ни у кого не хватает ни места, ни времени. А остается: чего-то будто знает и не без головы, значит — «пожалуйста, садитесь!»

Переписал «Галстук» — третья редакция. Пока, больше переписывать не буду, подожду, что ты скажешь.

Думаю: для IV тома Собр(ания) соч(инений) 1) Крестовые сестры, 2) Чертыханец, 3) Галстук, 4) Мака, 5) Таинственный зайчик.⁷⁶

Перечитываю «Крестовые сестры», кое-что исправляю.⁷⁷

«Мозгам» изменял, ел рыбу. Материю из прачечной получил.

В газетах: Столыпин ушел.⁷⁸

Писем не было.

Напиши, не знаю ничего, что с тобой. Я тебе 7 писем написал.

Петербург 1911

9—10 марта

среда

2 ч(аса) н(очи)

[В тот день был пожар, загорелась стена, пожар затушили, но что это было — ужас: я один был в квартире, Броня ушла за дворниками. Мечусь по комнатам, то одно схвачу, то другое, а дым ест глаза. А стена гудит: сейчас огнем зальет. Что-то с паровым отоплением неладное вышло, с трубами. Новый дом. А у меня «пожарная паника» после Киевского пожара на Безаковской 1904 г(ода) зимой.⁷⁹ Страху натерпелся, ой! А как это письмо написано, одному Богу известно. В полном разгроме, в чаду и холодно].

Что же письма мне не пишешь? Ждал и сегодня.

Во сне: И. Гюнтер: стихи читал.⁸⁰

Очень суетно прошел день.

Был Р. В. Иванов-Разумник, о его статье в «Рус(ских) В(едомостях)» разговор.⁸¹ Был Е. В. Аничков: о его лекции рассуждали.⁸² Потом Г. В. Вильямс⁸³ — о диких, сговорились вместе идти в Пассаж.

Так с утра. И как раскрыл я «Крестовые сестры» поправлять, так на той же странице до вечера пролежали. Приготовил я весь IV том Собр(ания) соч(инений) — материала хватит. Хотел было за «Бесовское действие» и за «Иуду»⁸⁴ приняться, чтобы перейти к «Егорию Храброму»,⁸⁵ пришел тот из ночлежки «Клещевский» [Этот неизвестный появился у нас от Н. С. Клещева,⁸⁶ товарищи по ночлежке]. Отдал я ему рукопись и адрес, по указанию Иванова-Разумника.

Гюнтера видеть во сне — к суете.

Куда это мы поедем летом?

Очень бы мне хотелось к Пасхе, хоть какую-нибудь первую редакцию «Егория» сделать. Большо(е) было бы облегчение. Такой трудный год с этими исправлениями.

Письмо вышло очень короткое: холодно мне что-то очень. Попомни, что говорила поискать обещалась. [Из Берестовецкого Архива письма].

Всего тебе хорошего.

Не шлют мне что-то денег из Германии [за перевод «Крестовых сестер»].⁸⁷ Придет Ал(ександра) Н(иколаевна) Чеботаревская, попрошу написать письма в издательство, в Мюнхен.⁸⁸ И от Брюсова нет известий. Думаю, что «Жертва» принята в «Весы», иначе ответил бы.⁸⁹ До свидания.

Петербург 1911
10—11 марта
четверг
½ 2 <часа> н<очи>

Забыл написать. Вчера было тебе письмо от Гуро [Елена Гуро художница, писала и стихи].⁹⁰ В стиле Вар<вары> Гр<игорьевны> Мирович.

Что же письма-то от тебя все нет, хоть бы маленькую писульку написала: как доехала. Во сне тебя видел с Бубукой.

Занимался «Бесовским действием» и «И<у>дой». Много времени ушло на разные внешния <sic!> — расположение текста. Остается III акт «Иуды».

Утром заходила Ал<ександра> Н<иколаевна> Чеботаревская, но я еще спал. Проснулся ½ 12-го. Хотела зайти вечером, но не пришла.

Были полотеры с мастикой.

Зашел Пяст и под полотерный жиг и шмыг рассказывал о 4-ой книге Г. И. Чулкова, «Стихи».⁹¹ За Пястом Гар<ольд> В<асильевич> Вильямс, принес афишу лекции Ариадны Вл<адимировны> Тырковой-Вильямс,⁹² написал письмо по-немецки Георгу Миллеру <sic!> в Мюнхен о «Крестовых сестрах».⁹³

Ходил на Николаевский вокзал, послал письмо заказным, а на Невском у Баннова купил папирос.⁹⁴ Прихожу домой — Вал<ентина> Алек<сандровна> Шалаурова ждет. Два дня как поднялась: хворала. Лекция Ар<иадны> Вл<адимировны> Тырковой ей не понравилась: «неинтересно читает».

Пасмурно и холодно, как осень. И в комнатах.

Напиши же, пожалуйста!

Петербург 1911
12—13 марта
пятница
¼ 1 <часа> н<очи>

Меня все больше и больше беспокоит, что от тебя письма нету. Сегодня неделя, как ты приехала в Берестовец (4. III). Жалею, страшно жалею, что не приготовил тебе конверты, ты бы без задержки и опускала. Телеграмму хотел послать, боюсь, встревожишься и выйдет недоразумение.

Письмо от Марг<ариты> Вас<ильевны> Сабашниковой [художница]. Ждет нас в Париже, и устроит дешево — 2 фр. в день, и встретит.⁹⁵

Письмо от Анны Марковны Левиной,⁹⁶ приглашает в воскресенье. — Отвечу, что не могу.

Письма от Ф. Фриш, что 200 марок скоро пришлют, но «Крестовые сестры» еще не вышли.⁹⁷

И от П. Е. Щеголева просит последнюю книгу В. В. Розанова — полный текст: «нельзя ли получить?»⁹⁸

Во сне: помню только, что угощали меня сигарами.

Иванов-Разумник принес от Е. А. Ляцкого «Былины» — хорошая книга.⁹⁹

Выставил у тебя раму — Броня вымыла стекла.

Кончил поправлять «Иуду» — стало быть, начало VI т<ома> [VIII]¹⁰⁰ сделано. Читал о хлыстовских кораблях¹⁰¹ и начал «Егория».

Сегодня «Академия», читает Ф. Ф. Зелинский.¹⁰² Заходила Ал<ександра> Н<иколаевна> Чеботаревская со своей барышней,¹⁰³ идут в «Академию». А я ходить вообще больше никуда не думаю.

Принимал ванну. А затем неизменные «мозги».

У Сологуба на вечерне Гидоническом (8. III) уже после 4-х ч<асов> был ужин, пел Сомов и танцевала Хаванская.¹⁰⁴ Из рассказа Ал<ександры> Н<иколаевны> Чеботаревской.

После ванны разогрелся. Раньше лягу спать.

Вот тебе пустяки всякие пишу. Напиши мне. Прошу-прошу — ничего не напишешь.

Стало быть, едем в Париж.¹⁰⁵

Хоть бы письмо от тебя поскорее пришло!

Петербург 1911
12—13 марта
суббота

Получил твоё письмо и телеграмму.

Письмо от Пришвина — удивительно куриный почерк! И от В. В. Каменского,¹⁰⁶ и из «Нов(ого) Жур(нала) для всех». А также IV т(ом) Г. И. Чулкова.¹⁰⁷

Был Пяст, Ал(ександра) Н(иколаевна) Чеботаревская, Гарольд Вас(ильевич) Вильямс, Бурлючка¹⁰⁸ и Е. А. Ляцкий.

Ожил, получив твоё письмо. Так у меня все натянулось: когда кто скажет что-нибудь погромче, сердце и упадет.

Пяст попал мне под сердитую руку: изругал я ругательски Лемана («Индейца») за его статью в «Новом времени».¹⁰⁹ Пригрозил Леману, что его выгонят из Goetheanimus'a.¹¹⁰

Алек(сандра) Н(иколаевна) Чеботаревская рассказывала о вчерашней «Академии». К Бурлючке мать приехала или завтра приедет. И ту и другую поил чаем.

Е. А. Ляцкий много мне рассказывал о своем издательстве. Пойду к нему в четверг. У него можно получить корректуру — 1 ½ р(ублей) лист.

Очень я устал от разговора. И уж сам едва-едва. А письму твоему как я обрадовался.

Наташа сейчас не чуткая — это от дурацкой обстановки. Знаю, есть у меня недохватки или образовались, но в детстве, я помню, я был весь, как туго натянутая струнка. И в этом было большое для меня горе — источник моих мучений.

Броня разбудила: письмо от тебя, и сон я забыл.

Петербург 1911
13—14 марта
воскресенье
1 ч(ас) н(очи)

Сон: угощали меня орехами, потом доктор подкальватель <sic!> Панченко.¹¹¹

Письмо от С. Ремизова,¹¹² Рус(ская) Мысль № 3.¹¹³

Приходил Блок. Приглашает к себе в пятницу, тебе письмо написал. Просидел до 4-х. Дал мне 50 р(ублей). Рассказывал, как он ожил, собирается читать часть своей поэмы.¹¹⁴ Говорит, что война будет с «китайцем».¹¹⁵

Ходил стричься. Принял ванну. И убрался. Так мне грустно, что без тебя беспорядок такой вышел. [Пожар]. Не успеют всего сделать, что ты взволнуешься.

Петербург 1911
14—15 марта
понедельник
12 ч(асов) н(очи)

Сон: будто Чехов и идем вместе в Художественный Театр. Он сгорбленный в сероватом пиджаке в полосках. А на голове жокейская шапочка — кепка. Встречают нас. И какой-то служащий — он занимается скульптурой — говорит мне, что для меня есть особая комната в Худ(ожественном) Театре и уже давно. А я подумал: «А мы-то через Бутову¹¹⁶ билеты доставали!».

Иванов-Разумник рассказывал, как начинающий, его знакомый, критик собирается писать книгу о А. Н. Толстом. Чудак человек и нашел время тратить. Но я этого Разумнику не сказал.

Монтёр починил электрический звонок. И вешалку.

Ал(ександра) Н(иколаевна) Чеботаревская о «Рождестве» и о «Попрании Клятвы Адамовой». ¹¹⁷ Хочет Вяч(еслав) Иванов выпустить 2-ую книгу «Оры». ¹¹⁸ Есть еще выход: если бы из Рус(ских) Вед(омостей) получить сейчас гонорар? А если напечатают V т(ом) Собр(ания) соч(инений), куда они входят, послать вместо «Рождества» какой-нибудь рассказ. Все это до тебя оставляю, вместе решим.

Чувствую себя плохо: сонливость.

Ивойлов [Вл. Н. Княжнин] принес икону «Умиление». Старинная Псковская, уж очень хороши глаза. Протирали и вешали. (Про икону так нельзя сказать, надо «ставили»).

Рассказал я ему о затее Ляцкого: составить вместе со мною книгу апокрифов.

Звал Вяч(еслав) Иванов через Ал(ександру) Н(иколаевну) Чеботаревскую. И я решил пройти. В 11-м ч(асу) мы пошли с Ивойловым. ¹¹⁹

Там Ф. Ф. Фидлер, ¹²⁰ Чулков, ¹²¹ О. Мандельштам, Гумилев и его жена А. Ахматова — зубы неровные, это ее портит, и барышня Ал(ександры) Н(иколаевны) Чеботаревской.

Чулков — о Париже, Фидлер — о новых писателях.

За чаем пришел Яценко — стратег! ¹²² И начался разговор о китайцах: завтра решится — начнется война или уляжется.

Никогда я так не чувствовал, как сейчас, что царской России положен срок — сгинет она, изненавистничавшаяся, исподличившаяся, несчастная. Из-за куниц и горностаев — повод к войне!

Если удастся мне написать повесть [«Пятая язва»] ¹²³ — обвинительный акт следователя Орлова русскому народу — царской России — будет из сердца у меня.

Около 12-и вернулся домой. Очень холодно. А прошел я через незапертые двери.

Петербург 1911

15—16 марта

вторник

1 ч(ас) н(очи)

Конечно, все я расскажу тебе подробно. А не писал, боялся взволновать. Теперь, и то боюсь, как рассказывать буду.

Утром 9-го встал я по обыкновению в 10-ь, напился чаю, прочитал газеты. И взялся за «Крестовые сестры» исправлять. Прочитал страницу и зачем-то вхожу в столовую. А там полно дыму. Я в следующую комнату, где стена горячая, а из соседней стены, как пар.

Крикнул я Броню. А дым так и валит и за стеной зашумело. Броня за дворниками. Я же скорее белье выносить, взял и зеркало, да схватив, винтик уронил, и все-таки нашел. Очень торопился. Передвинул шкаф, комод и только не могу кровать вынести один. А с той стороны уж ломают: там огонь выбросило.

Вернулась Броня, вынесли мы кровать и поливаем стену и там за стеной заливают. Тут повалил густой дым.

Броня схватила лом и стала ломать стену. Прибежали дворники с ведрами. Пришел старший, пришел управляющий помощник Хренова (архитектор) ¹²⁴ и студент Гражданск(ий) инженер. ¹²⁵

В комнате едва можно было дышать. Стену разломали. И потушили.

Тут пришел Иванов-Разумник. А Броня пошла на кухню самовар подогревать.

Всех расторопней оказался старший, прямо руками в огонь, и Броня хороша была с ломом.

Управляющий рассказал, почему загорелось. Там, где накаляется стена, проходят 5 труб — дымоходы, лопнул кирпич, а соседняя стена из досок и подходит прямо к горячей стене, затлевшаяся искра подожгла торф между досок.

Теперь торфа нет и между стеною проложены кирпичи — доски приходится к кирпичам.

Очень я взволновался. Позеленел — видел себя, пронося зеркало. Мне и досадно было: вот вымыто белье, все тебе приготовил, хватъ — нет ничего, погорит!

Иванов-Разумник пил чай. И я держу стакан. И во рту горько. И внутри от гари и дыма сосет.

Дверь на лестницу открыта, форточки отворены, и все-таки душно.

И вот так сидим, задыхаясь, и пьем чай: беда миновала, и вдруг Броня кричит: «Пожар!»

Мы бросились в погорелую — нет ничего. А с той стороны не разломанные доски вспыхнули, очень стена накалилась.

Ну, опять бегут, кто с ломом, кто с ведрами. Стали ломать и выломали: тес горячий — вычистили торф.

Иванов-Разумник требовал пожарных. Но пожарные были, да их назад погна-ли, иначе все бы стекла были выбиты, да и покрали вволю. Пожарный человек добром не брезгует: бей и бери.

Допили чай. Иванов-Разумник простился. Пришли дворники выносить горелое. И понемногу чад разошелся.

Вот тут-то входит Е. В. Аничков, а за ним Гар(ольд) Вас(ильевич) Вильямс. Судьба привела. Стал я им рассказывать и конечно, с прибавкой. Когда все кончи-лось, пусть оно было пострашней, так и занятней и значительнее.

И, когда я уж призаврался до обгорелых пожарных и как кишкой саданули по всему дому, и в доме нижние этажи затоплены и к дверям не подступиться, и квартирантам в квартиры не проникнуть, истошный голос из кухни еще истош-ней:

«Пожар!»

Все мы бросились на кухню, а Броня дрожит вся и в окно показывает: из тру-бы соседнего дома подымается самый обыкновенный домашний дым.

И как не объясняли перепуганной насмерть Броне, только что отважно рабо-тавшей с ломом, она выскочила из кухни и с криком «пожар» кувырком с лестни-цы в дворницкую. [Наша квартира на 5-м этаже].

И опять дворники — кто с ломом, кто с ведрами. А нигде не горит. А из трубы соседнего дома так дымок: кушанье готово, подогревается.

Это не наше дело, — говорят дворники, — мы не трубочисты.

А все-таки, не бросая ни лома, ни ведёр побежали к соседям: дать знать.

И в доме все успокоилось. И я успокоился, только не хочется мне отпускать гостей. А всякий раз появление Брони и как она скажет: «Барин» и остановится, у меня так сердце и упадет.

Ночь я не спал. Прилягу и вдруг вскочу. И со свечкой, электричество я за-крыл из опаски тогда еще, в погорелую комнату: все мне кажется дым и шуршит за обоями — огонь шуршал за обоями тогда, осталось в ушах.

Не спала и соседняя кухарка Ивановна — она, как наша Акумовна,¹²⁶ чуть по-моложе и вся квадратная с носа до пояса — она с одной стороны к дыре в погоре-лой стене, я с другой стороны.

Броне я сказал «ложитесь, чтобы днем, как я лягу, меня покарнула».

В 5-ть пил чай.

И все «Бесовское действие» поправил — такой чувствовал нервный напор, хоть еще ночь не спал бы.

В ¼ 7-го, когда Броня поднялась, я лег. И спал до 12-и. Без сна, как сам обго-релая деревяшка.

Но выходить из дому побоялся, все думалось, а ну-как опять! Только в пятницу (пожар случился в среду) осмелился и выглянул на волю, но с какой тревогой и все еще весь поддернутый. А в субботу вдруг все силы упали.

⟨Рисунок с надписями: *Было — Теперь. — Е. О.*⟩

Вот тебе краткое описание пожара.

Боялся написать в Берестовец. Как представляю, как ты взволнуешься и думать будешь, рука и не подымается. А теперь все думаю, как рассказать тебе, не пугая.

И в деньгах у меня вышла тоже пожарная поломка.

5. III в субботу Пришвин, рассказав о самоубийстве брата, попросил 25 руб⟨лей⟩:

«Как приеду к матери, сейчас же вышлю!»

Я дал, думаю, «Елец, не Сибирь, к твоему приезду деньги вернутся», а очень мне хотелось, чтобы все было в порядке.

На следующий день (6. VII) Ал⟨ександра⟩ Н⟨иколаевна⟩ Чеботаревская просит 11 руб⟨лей⟩ — «в субботу 12-го отдаст».

Я дал. Она не подведет, помнишь, все однажды отдала без «разбивки».

А Пришвин, как уехал, и ни духу, ни слуху. А Иванов-Разумник-Иванов говорит:

«Подвел меня Пришвин, не известил даже, что уехал».

А Пришвину сейчас же пишу, что поскорей б, надо тебе послать на выезд в Петербург. А в субботу от него письмо:

«Недельки через две».

Я взял, да и хватил ему телеграмму:

«Немедленно телеграфом!».

А вернулся с почты, остыл, и вдогонку открытку, чтобы не принял дурно, только очень нужно, потому так резко вышло у меня и нетерпеливо.

Ты знаешь, как на меня находит, и ничего уж не помню, не соображаю, тону и ни за что не ручаюсь — так я человека убить способен — а потом долго мучаюсь.

За открыткой я еще и письмо послал, все за телеграмму мучился.

А в субботу (12-го) Ал⟨ександра⟩ Н⟨иколаевна⟩ Чеботаревская вместо 11 руб⟨лей⟩ отдала 6 р⟨у⟩б⟨лей⟩, а 5 р⟨у⟩б⟨лей⟩ обещает в следующую субботу — 19-го.

Тогда я и написал Блоку, просил займы 25 руб⟨лей⟩ — отдам, мне задержали. И на другой день, в воскресенье, Блок принес не 25 р⟨у⟩б⟨лей⟩, а 50. Он сказал, что вернуть «когда мне можно» — никаких сроков — «хоть через год, хоть через три, хоть через пять», и что у него денег очень много. [Он получил тогда от отца большое наследство].¹²⁷

Тоже не писал тебе, почему именно Блок дал мне 50 р⟨у⟩б⟨лей⟩.

Сама посуди, и пожар и деньги, — что же это такое! А хотелось, повторяю, чтобы к твоему приезду все было на месте. Тоже думал, стену оклеить до тебя, чтобы дыр таких не было, а вот и этого не пришлось.

[Блок и в Париже — май 1911 г. — нас выручил, когда мы — расчет был на гонорар из «Шиповника» за Собр⟨ание⟩ соч⟨инений⟩ — очутились в последней крайности: Люб⟨овь⟩ Дм⟨итриевна⟩ Блок дала С⟨ерафиме⟩ П⟨авловн⟩е 500 Fr. И никогда я не отдал ни 50 руб. ни 500 Fr. А когда поминал Блоку о своем долге, он страшно краснел].¹²⁸

Сон: З. Н. Гиппиус. Разговариваем о ее «Чертовой кукле»¹²⁹ и о стиле. Зинаида Николаевна никак не могла понять, чего я добиваюсь, а не мог выразить мою мысль, что значит писать по-русски.

Ездил на вокзал узнать поезда. Заходил к Елисееву.¹³⁰ А когда шел мимо Анничкова дворца видел, как выехал Государь.

Сначала прогудел рожок — и все экипажи остановились. Потом где-то на дворе прокричали: «Здравие желаю». И из распахнутых ворот выехал автомобиль.

Около Елисеева пристав задержал осленка: вез рекламу. Городовой кричит: «Расходитесь, уберите ее!» А ослятина только ушами перемахивает. Смеху было.

И только когда автомобиль скрылся, ослик пошел.

Повестка из Высших Женских Курсов о заседании. И больше никаких писем.

Приедешь ли ты завтра? Уж жду тебя, не дождусь.

Петербург 1911

16—17 марта

среда

Поднялся в ½ 9-го. И ждал до без ¼ 12-ь.

Сон: Вячеслав Иванович Иванов и В. В. Розанов подрались. Да как — только ключья летят. Вячеслав Иванов выдрал бороденку у Розанова, а Розанов содрал у Вячеслава Иванова всю золотую его гриву. Ну, потом помирились.

Из «Аполлона» приглашение на пятницу. Открытка от Варвары Григорьевны Мирович о Пантелеймоне Сергеевиче Романове.

Приходил Иванов-Разумник, справлялся о тебе. За Ивановым-Разумником А. А. Кондратьев с книгой. Рассказывал о Государственной Думе, где он служит, советовал мне поступить туда же на должность пол-помощника экспедитора — 100 рублий в месяц. Приходила еще Александра Николаевна Чеботаревская — добросовестно твой наказ исполняет держать меня под глазом.

Кончил начерно I акт «Егория Храброго» и начал II акт.

Или я встал рано или от ожидания, хочется на боковую. Встану, выпью чаю и буду ждать звонка. Хоть бы ты уже приехала!

Петербург 1911

17—18 марта

четверг

1 час ночи

И опять ждал тебя. Опять поднялся спозаранку.

Маляры оклеили стену бумагой, завтра утром, обещают оклеить обоями. Выставил окно в столовой. Писал II акт «Егория Храброго».

Во сне плакал. Письмо из «Книгоиздательства», будто давно выслали мне деньги, но что пришли обратно. И теперь их снова посылают: адрес будто я дал не верный.

Умер П. Я. [Мельшин-Якубович].¹³¹

Пришла-таки Форшиха: сегодня мои именины! Брюсов ей вернул рассказ из «Весов». Жаловалась.

После Форшихи ездил на трамвае — «проветрился».

В 10-ь пришел А. А. Бурнакин. Выговаривал ему, что присоблается к «Новому времени».¹³² Очень я горячился. И голова разболелась.

Верую, завтра приедешь.

ПАРИЖ
1911 г.
Rue Monsieur le Prince
Hôtel de l'Univers

Paris 1911

май

½ 3-го

Сейчас вернусь. Пошел за Alcool'ем.¹³³ И в St. Sulpice.¹³⁴ Но ненадолго — очень интересно: ихний главный архшевэк¹³⁵ служит.

Сейчас.

¹ На Таврической улице (в доме Хренова — д. Зв, кв. 23) Ремизовы проживали с 21 сентября 1910-го по июнь 1915 года.

² Издание «Сочинений» Ремизова в восьми томах было выпущено издательством «Шиповник» в 1911—1912 годах. После передачи издательских прав в 1912 году все тома были перепечатаны в новом оформлении в издательстве «Сирин».

³ Речь идет о правке рукописи рассказа «Птичье кладбище». Через два дня Ремизов отправил рассказ Пришвина в журнал «Русская мысль». Характерно, что редактор литературно-художественного отдела В. Я. Брюсов в письме к главному редактору и издателю журнала П. Б. Струве усмотрел в стилистике нового произведения Пришвина влияние Ремизова и дал следующее определение жанра и стиля: «Это интересная и хорошо написанная полубеллетристика, полуэтнография, чуть-чуть с примесью „ремизовщины“ (но вполне невинной)» (*Брюсов В. Я. Письма к П. Б. Струве (1910—1911) / Подг. А. Н. Михайловой // Литературный архив: Материалы по истории литературы и общественного движения. М.; Л., 1960. Вып. 5 / Под ред. К. Д. Муратовой. С. 336*). Рассказ «Птичье кладбище» появился в седьмой книге «Русской мысли» за 1911 год (С. 131—150).

⁴ Рассказ Пришвина, опубликованный под названием «Черный араб. Степные эскизы» (*Русская мысль. 1910. № 1. С. 89—118*).

⁵ Л. Д. Бурлюк-Кузнецова. См. о ней: На вечерней заре 1909 (II). С. 186—187 (прим. 33).

⁶ Подразумеваются собрания Санкт-Петербургского Религиозно-философского общества (1907—1917), действительным членом которого состоял М. М. Пришвин. На собраниях обсуждались проблемы современной веры и взаимоотношений интеллигенции, церкви и государства. Этот комплекс назревших вопросов был актуализирован еще в недрах Религиозно-философских собраний (1901—1903), которые также посещались Пришвиным.

⁷ Александра Николаевна Чеботаревская (1869—1925) — переводчица, литературный критик, действительный член Религиозно-философского общества.

⁸ Н. А. Ремизова, дочь.

⁹ Речь идет о корректуре новеллы «Сфинкс», написанной в жанре «сна», для готовящегося к изданию сборника в пользу пострадавших от землетрясения в Туркестане (4 января (22 декабря) 1910 года). Предложение участвовать в этом благотворительном издании Ремизов получил 14 января 1911 года в письме от К. И. Диксона, взявшего на себя обязанности редактора (РНБ. Ф. 634. № 100. Л. 1). См.: *Ремизов А. Сфинкс: Сон // Гамаюн: Литературный сб. СПб.: Общество помощи учащимся в С.-Петербурге туркестанцам, 1911. С. 3—4*.

¹⁰ Иван Александрович Рязановский (1869—1927) — архивист, археолог, собиратель документов по истории России, в 1910-х годах хранитель Романовского музея (Кострома) и с ним связывала многолетняя дружба и обоюдный интерес к памятникам древнерусской письменности; прототип некоторых персонажей Ремизова. Подробнее о нем см. в комментариях А. М. Грачевой к повести Ремизова «Неумный бубен»: *Ремизов А. М. Собр. соч. СПб., 2015. Т. 11: Зга. С. 612—615*. См. также частичную публикацию их переписки 1909—1912 годов: *Письма А. М. Ремизова к И. А. Рязановскому / Публ., вступ. заметка и комм. А. П. Юловой // Серебряный век русской литературы: Проблемы, документы. М., 1996. С. 88—99*.

¹¹ Турка — герой рассказа «Галстук», прототипом которого послужил знакомый Ремизовых Илья Аронович Тотеш (см. о нем: На вечерней заре 1909 (I). С. 186 (прим. 11); а также: *Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2000. Т. 3: Оказион. С. 657—658 (комм.)*). В начале марта рассказ, принятый к печати в альманахе издательства «Шиповник», был отклонен с мотивировкой, что текст «не сделан». Ср. письмо Ремизова, адресованное И. А. Рязановскому 6 марта: *Письма А. М. Ремизова к И. А. Рязановскому. С. 96*. Судя по тексту оригинала письма от 6—7 марта (см. Приложение), Ремизов принялся за переработку этого текста именно 6 марта. В результате трех редакций получился рассказ, впервые опубликованный на страницах газеты «Речь» (1911. 10 апр. № 98. С. 3—4).

¹² Подразумевается драматическое произведение Ремизова «Действо о Георгии Храбром», работа над которым вчерне была завершена в первой декаде апреля 1911 года.

¹³ Речь идет о четвертом томе Собрания сочинений писателя, который первоначально был выпущен издательством «Шиповник» (1911), а затем, после передачи прав на издание сочинений Ремизова в издательство «Сирин», напечатан в новом оформлении в 1912 году.

¹⁴ Возможно, речь идет о рекомендованном невропатологом А. Л. Менделсоном употреблении субпродукта, который благодаря составу микроэлементов обладает болеутоляющим действием при мигренях.

¹⁵ Аберрация памяти: речь идет о путешествии по Волге с Ивановым-Разумником летом 1909 года. См.: На вечерней заре 1909 (I). С. 168.

¹⁶ Впервые рассказ опубликован в эмигрантской печати. См.: Ремизов А. Черная бабушка // Грани. 1922. Кн. 1. С. 47—91.

¹⁷ Подразумеваются сложные родственные взаимоотношения С. П. Ремизовой-Довгелло с матерью и сестрами, на попечении которых с 1906 года находилась дочь Ремизовых.

¹⁸ Речь идет об устроенной в доме торгового товарищества «Братья Елисеевы» (Невский проспект, 56) демонстрации представителей дикого племени, вывезенных с острова Новая Гвинея. Для публики была организована развлекательная программа, инсценирующая особенности племенной жизни примитивных людей. Балаганная эстетика русских зрелищных представлений, отвечающая потребностям праздной толпы, держалась на жестком коммерческом интересе импресарио и вызывала со стороны общественности критику и сострадание к содержащимся в непривычных и тяжелых условиях людям. Ср. статью с обвинительными эскападами в адрес устроителей ежедневных увеселительных представлений, автор которой, в частности, писал: «...мы являемся свидетелями удивительного по дерзости глумления над человеческими нравами, хотя бы и дикаря. Из далеких островов Океании, сманив лукавым образом, грек-импресарио вывозит четырех дикарей-папуасов племени кай-кай. Несмотря на их протесты и сильное желание вернуться на родные острова, грек их тащит все дальше и дальше, вглубь Европы, а потеху просвещенным варварам. Теперь папуасов доставили в Петербург. Разница в климатических условиях и тоска по родине надломил их здоровье тела и уже двое из папуасов, заболев чахоткой, умерли. (...) цивилизованная столица должна вступить за погранные права папуасов-невольников и потребовать возвращения на родные острова» (Н. В. [Васильев Н. И.] Папуасы-невольники в столице // Новое время. 1911. 3 марта. № 12562. С. 5).

¹⁹ Имеется в виду отчет о вечернем заседании Государственной Думы 3 марта 1911 года с описанием разыгравшегося скандала, вспыхнувшего в процессе обсуждения положения дел в Высшей школе. Депутат Образцов затронул причины и следствия низкого уровня государственной образовательной системы. Его гневная речь началась с обвинений современной литературы, разлагающей молодежь, а завершилась площадной бранью в адрес учащихся Высших женских курсов, спровоцировавшей не менее бурную реакцию депутатского собрания. Потребовалось даже вмешательство приставов, предупредивших желание отдельных заседающих «броситься друг на друга и начать наносить оскорбления». Ср.: «Падение русской школы — явление общее, давнее, глубокое. Мы имеем в настоящее время в литературе: Арцыбашева, Куприна, Андреева, Вербицкую и целую плеяду отчаянных бездарностей — которых курфее нашей литературы постыдились допустить в свои прихожие. (...) Что же касается курсисток, которые грудью выпирают профессоров из аудитории, которые позволяют производить над собой антропометрические исследования, которые участвуют в афинских вечерах, которые виновны в посещении комнат для молодых (*сильный шум слева, возгласы: негодяй, вы не в чайной*), которые виновны в распутстве, оскорбившем школу (*возгласы слева: вы трибуну оскорбляете*), некоторые сотнями предложили себя пьяным матросам...» (Новое время. 1911. 3 марта. № 12562. С. 2).

²⁰ Именины Вяч. И. Иванова праздновались 4 марта 1911 года.

²¹ Из трех сестер Беляевских (Вера, Ольга, Юлия) Ольга Александровна (1865—1919) — детская писательница и Юлия Александровна, писавшая любительские стихи, поддерживали давние дружеские отношения как с хозяевами «Башни», так и с М. М. Замятниной. Обе сестры были завсегдатаями ивановских литературных предприятий, включая заседания Поэтической Академии, и сами принимали у себя литературный бомонд. См., в частности, упоминания о них в переписке Л. Д. Зиновьевой-Аннибал и М. М. Замятниной (*Богомолов Н. А. Вячеслав Иванов в 1903—1907 годах: Документальные хроники*. М., 2009), а также в протоколах Поэтической Академии, сохранившихся в записях Замятниной (*Гаспаров М. Л. Лекции Вяч. Иванова в Поэтической Академии 1909 г.* // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 89—106).

²² Александра Николаевна Чеботаревская (см. прим. 7) и Анастасия Николаевна Чеботаревская (1876—1921) — переводчица, драматург, литературный критик, публицист; супруга Ф. М. Сологуба с осени 1908 года.

²³ Мосолов Борис Сергеевич (Мосолини; 1888—1941) — актер, литератор, режиссер, адресат стихотворений Вяч. Иванова.

²⁴ Вс. Э. Мейерхольд и его первая жена — актриса О. М. Мунт (1874—1940).

²⁵ Е. В. Аничков.

²⁶ Ю. Н. Верховский.

²⁷ Своей идеей подарка Вяч. Иванову Ремизов делился в письме, адресованном А. Блоку 2 марта 1911 года: «Купите ему (Вяч. Иванову. — Е. О.) какую-нибудь большую рыбу в пода-

рок или очень много маленьких. Он любит рыбу есть или на стену повесит. Я ему в подарок приготовил рог воловий и рог козий под видом рыб: симпы и флюндры» (Неизданная переписка Блока: Переписка с А. М. Ремизовым (1905—1920) / Вступ. статья З. Г. Минц; публ. и комм. А. П. Юловой // Лит. наследство. 1981. Т. 92: Александр Блок: Новые материалы и исследования. Кн. 2. С. 91). Названия рыб восходят к сказке Ремизова «Марун». Ср.: «Далеко на море — не на Студеном, на Варяжском — есть острова Оланда — скалистый остров Бурь-бурун. Четыре рыбы держат остров: две одноглазые Флюндры и две крылатые Симпы» (Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2000. Т. 2: Докука и балагурье. С. 156—157). Ср. также письмо В. К. Шварсалон М. А. Бородаевской с описанием иницированного ею празднования имени Вяч. Иванова: «...неожиданно, пришло к нам довольно много народу: Сологубы, Мейерхольд, Ремизов, Пяст и Юрашев и еще несколько человек. Ремизов сказал, что Вячеславу нужно дарить рыбок. Сам принес рыбу „Флюндру” и рыбу „Симпу” из рога с вставленными глазами и „Кашеевы пупки” из своей коллекции. Пяст принес золотых рыбок и сома с усом в банке, на кот(орую) была наклеена обложка Садка Судей. Сологуб подарил собрание сочинений и сирень. Утром Кузмин преподнес деревце цветущего миндаля с объяснительными стихами. На что Вячеслав тоже ответил стихотворением» (Цит. по: Глухова Е. Вячеслав Иванов: биографический и творческий сюжет для марта 1911 // Судьбы литературы Серебряного века и русского зарубежья: Сб. статей и материалов памяти Л. А. Иезуитовой. К 80-летию со дня рождения. СПб., 2010. С. 81—82).

²⁸ Первый сборник футуристической группы «Гилея» был отпечатан в издательстве В. Матюшина «Журавль» в количестве 300 экз. Необычная по оформлению книга с обложкой из обойной бумаги была выпущена на средства Д. Бурлюка. В шуточном подарке Мейерхольда обыгрывалось придуманное Велимиром Хлебниковым название сборника — «Садок судей». «Судьями», очевидно, мнили себя футуристы, вскоре предъявившие обвинительный приговор всей предшествующей литературе «Пощечина общественному вкусу» (1912). Предположительно, «Садок судей» был подарен Ремизову его давними друзьями — братьями Давидом и Николаем Бурлюками.

²⁹ Подразумевается публичная лекция Вяч. Иванова «О Достоевском», первоначально запланированная на начало марта, но состоявшаяся в Большой аудитории Соляного городка (Пантелеймоновская, 2) только 21 марта 1911 года. Объявление о предстоящей лекции появилось в разделе рекламы газеты «Речь» 13 марта (№ 70. С. 1). С измененным названием («Достоевский и роман-трагедия») лекция была также прочитана 18 апреля 1911 года на заседании Религиозно-философского общества. Текст лекции был опубликован под заглавием «Достоевский и роман-трагедия» в пятой книге «Русской мысли» за 1911 год (Отд. I. С. 46—61); а также в сборнике Вяч. Иванова «Борозды и Межи» (1916). См. также: Иванов В. И. Собр. соч.: В 4 т. Брюссель, 1987. Т. 4. С. 399—436.

³⁰ См. прим. 18. Сюжет о папуасах был первоначально включен Ремизовым в третью редакцию романа «Пруд» (1911). См.: Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2000. Т. 1: Пруд. С. 98. Балаганные представления с папуасами получили продолжение и в следующем 1912 году, когда в Луна-парке на Офицерской улице была устроена папуасская деревня привезенного племени сомалийцев. Демонстрация австралийских аборигенов в доме Елисея и в Луна-парке легла в основу рассказа Ремизова, опубликованного под названием «Дикие» (1913). В центре рассказа так же, как и в сюжете главы романа «Пруд», оказался аспект сакрального значения детородных органов, общий как для примитивного сознания папуасов из Новой Гвинеи, так и для мифологического сознания других народов, находящихся на более высокой ступени развития социума. Очевидно, именно такого рода наблюдением Ремизов мог поделиться с мифологом и этнографом Е. В. Аничковым.

³¹ Речь идет об очерке Гершензона «П. В. Киреевский. Биография», предпосланном изданию «Русские народные песни, собранные П. В. Киреевским» (М., 1910. Т. 1. С. I—XLII).

³² Подразумевается письмо Гершензона от 3 марта 1911 года, полученное Ремизовым на следующий день, в котором содержалась подробная характеристика творчества Пришвина. См.: Гершензон М. «Узнать и полюбить». Из переписки 1893—1925 годов / Сост., комм. Е. Ю. Литвин. М.; СПб., 2016. С. 315—316.

³³ Пришвин состоял сотрудником московской газеты «Русские ведомости», редактором которой был его двоюродный брат И. Н. Игнатов.

³⁴ См. прим. 6.

³⁵ Пантелеймон Сергеевич Романов (1884—1938). Его первый рассказ «Отец Федор» был опубликован в седьмой книге журнала «Русская мысль» (1911. Кн. 6. Отд. I. С. 55—93). Ср. письмо Л. Шестова Ремизову, написанное уже после публикации в «Русской мысли», из которого следует, что Шестов, принимавший участие в организации литературного дебюта Романова, первоначально предполагал другой источник печати и, скорее всего, обсуждался именно журнал «Русское богатство»: «Как тебе история с „отцом Федором” Романова понравилась? Пока с Г(орьким) переписывался, он уже набирался и в июльской книге „Русской” М(ысли)” напечатан» (Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым / Вступ. заметка, подг. текста и прим. И. Ф. Даниловой и А. А. Данилевского // Русская литература. 1992. № 4. С. 104).

³⁶ Доктор-невропатолог.

³⁷ Детское прозвище Наташи — дочери Ремизовых.

³⁸ Прислуга Ремизовых.

³⁹ Речь идет о неожиданных последствиях безобидной шутки Ремизова на маскараде у Сологуба 3 января 1911 года. Подробнее см.: *Обатнина Е. Р.* Царь Асыка и его подданные. Обезьянья Великая и Вольная Палата А. М. Ремизова в лицах и документах. СПб., 2001. С. 60—77. Ср.: «Сологуб обиделся на одного небезызвестного и даровитого писателя, который впутался неосторожно в полемику по поводу хвоста» (*Чулков. Г.* Годы странствий. М., 1930. С. 161).

⁴⁰ Подразумевается созданная при Религиозно-философском обществе в марте 1909 года секция «по изучению вопросов истории философии и мистики христианства», которая работала в течение двух последующих лет под председательством В. И. Иванова. Возможно, речь шла о последнем заседании, завершившем деятельность этого тематического объединения.

⁴¹ Речь идет о переговорах с издательством «Шиповник», касающихся продолжения издания Собраний сочинений Ремизова и Сологуба.

⁴² Гидони Александр Иосифович (1885 — после 1932) — драматург, критик.

⁴³ Третий том Собраний сочинений Ремизова, составленный из рассказов, был выпущен издательством «Шиповник» в августе 1911 года. Четвертый том с новой (третьей) редакцией романа «Пруд» писатель приготовил только к концу лета. Книга была отпечатана в конце октября.

⁴⁴ Пришвин Александр Михайлович (1858—1911) — брат писателя. Очевидно, версия самоубийства возникла у М. М. Пришвина, знавшего трагическую историю любви своего брата, по получении 5 марта телеграммы, в которой коротко сообщалось: «Сегодня Саша скончался» (*Пришвин М. М.* Ранний дневник. 1905—1913 / Подг. текста Л. А. Рязановой, Я. З. Гришиной; комм. Я. З. Гришиной. СПб., 2007. С. 416). Реальную причину смерти (сыпной тиф) Пришвин назвал в письме к Ремизову от 9 марта 1911 года, написанном после похорон. См.: Письма М. М. Пришвина к А. М. Ремизову / Вступ. статья, подг. текста и прим. Е. Р. Обатниной // Русская литература. 1995. № 3. С. 181. Об А. М. Пришвине также см.: *Пришвина В. Д.* Путь к слову. М., 1984. С. 17—18.

⁴⁵ Речь идет об очерке М. Арцыбашева «Записки писателя», в котором он развенчивает легенду о «наследственном» железном кольце, якобы перешедшем от Пушкина через Тургенева к Толстому и ставшем символом литературного избранничества. Критикуя установки общества, в котором узаконен табель о рангах среди писателей, Арцыбашев писал: «У нас не привыкли ценить вне чина и положения. Мы не можем понять, что у каждого писателя своя дорога, свои ценности, свои думы. Мы не можем допустить, что старая литературная тропа может быть оставлена и свободный ум смеет идти по своей» (Цит. по: *Арцыбашев М.* Рассказы. Записки писателя. М., [1914]. С. 287 (Собр. соч. Т. 3)).

⁴⁶ Подразумевается фельетон В. В. Розанова, напечатанный в газете «Новое время» под названием «Новые события в Петербурге», поводом для которого послужил прошедший в Тенишевском училище литературно-вокальный вечер, посвященный произведениям Федора Сологуба. Программа выступлений открылась докладом Е. В. Аничкова, содержащим пространную характеристику творчества писателя, и завершилась преподнесением Сологубу лаврового венка (подробный отчет об этом мероприятии см.: Сологубовский вечер // Речь. 1911. 3 марта. № 60. С. 7). В своей статье Розанов саркастически изумлялся новой моде в литературной среде, обнаруживающей, по мнению критика, глубинные изменения писательского публичного поведения. Он писал: «Страшно изменилось существо писателя. (...) Слияло одно лицо на нем. И зарумянилось другое лицо. И это румяное, самодовольное, признаюсь, глуповатое лицо, похожее на масляничный блин с завернутою в него семгюю, заявляет, публикует и печатает». Далее в пародийных тонах Розанов представил, как бы могли быть организованы вечера В. Г. Белинского, Ф. В. Булгарина и Н. В. Гоголя при жизни этих литераторов. Упомянув о вечере Куприна, критик более подробно остановился на описании вечера Сологуба. Для узкого литературного круга было очевидно, что идея такого вечера, заведомо предполагающего возведение известного писателя в статус классика современной литературы, была инициирована супругой Сологуба — Ан. Н. Чеботаревской. Не без подразумевающихся подтекстов Розанов смягчал обличительный пафос своего фельетона, критикуя не столько Сологуба лично, сколько обозначающую тенденцию к литературному чванству: «Я не говорю о Сологубе, который очевидно поддался какому-то завергевшемуся вокруг него вихрю: я говорю о коллективном „лице“ всех устроителей» (Новое время. 1911. 5 марта. № 12564. С. 13).

⁴⁷ Форш Ольга Дмитриевна (урожд. Комарова; 1873—1961) — писательница; в 1910-х годах последовательница учения Р. Штайнера.

⁴⁸ Немецкая переводчица и поэтесса Фега Фриш (Frish; 1873—1942) впервые обратилась к Ремизову с просьбой предоставить авторское согласие на переводы его произведений в письме от 6 ноября 1909 года. Заинтересовавшись новеллами из книги «Посолонь» и романом «Пруд», она остановила свой выбор на новой повести писателя «Крестовые сестры». Книга на немецком языке была подготовлена для мюнхенского издательства «Georg Müller». Размер причитавшегося Ремизову издательского гонорара составил 200 марок. Книга вышла в свет в конце 1912 года (на обложке издания был проставлен 1913-й) с фрагментом статьи Е. Аничкова «Западничество и славянофильство в новом обличье» (впервые: *Gaudeamus*. 1911. № 1. С. 6—9),

которое было использовано в качестве предисловия. См.: *Die Schwestern im Kreuz: Erzählung / Vorw.* E. V. Aničkov; Übers. F. Frisch. München; Leipzig: Georg Müller Verlag, 1913.

⁴⁹ Выставка художественных работ скульптора, живописца и графика Дмитрия Семеновича Стеллецкого (1875—1947) размещалась в редакции журнала «Аполлон». См. отзыв об этой экспозиции А. Рославлева (Речь. 1911. 11 марта. № 68. С. 5), а также заметку С. Маковского в разделе «Художественная жизнь» (Русская художественная летопись. 1911. № 6. Март. С. 85—86).

⁵⁰ Речь идет об отгисках статьи Гершензона «П. В. Киреевский. Биография» для первого выпуска нового издания «Песен, собранных П. В. Киреевским», подготовленного Обществом любителей российской словесности при Московском университете под редакцией акад. В. Ф. Миллера и проф. М. Н. Сперанского (М., 1911. С. I—XLII).

⁵¹ Бромлей Надежда Сергеевна (в первом браке Вильборг, во втором — Сущкевич; 1884—1966) — актриса, писательница, поэтесса, режиссер, дебютировавшая в литературе книгой стихов и лирической прозы «Пафос. Композиция, пейзажи, лица» (М., 1911). Бромлей состояла в дружеских отношениях с Е. Г. Гуро и М. В. Матюшиным, с которыми Ремизовы сблизилась на некоторое время в 1911 году.

⁵² В. Г. Малахьева-Мирович. См. о ней: На вечерней заре 1909 (I). С. 189 (прим. 37).

⁵³ Подразумевается приложение к журналу «Аполлон» — «Русская художественная летопись», которое в 1911—1912 годах выходило отдельным изданием два раза в месяц.

⁵⁴ Возможно, имелась в виду лекция «Красота и уродство с психологической точки зрения», также прочитанная 28 марта и повторенная в аудитории Психологического института (Невский, 104).

⁵⁵ Сивачев Михаил Гордеевич (1877—1937) — писатель-самоучка; в 1898 году в Пензе за противоправительственную деятельность привлекался к жандармскому дознанию вместе с А. М. Ремизовым. Подразумевается автобиографический роман «„Прокрустово ложе“ (Записки литературного Макара)» (М., 1911), во второй книге которого описаны встречи с Ремизовым в издательстве журнала «Вопросы жизни». Подробнее см. вступ. статью к наст. публ. (С. 173—174). Об автобиографической прозе Сивачева и ее социо-культурных истоках см.: *Колмоновская Е.* Литература и «писатели из народа» // Новое время. 1911. 14 марта. № 12571. С. 3.

⁵⁶ Отчет о лекции члена Государственной Думы В. М. Пуришкевича в Русском собрании см.: *Пр-в В.* [Прокофьев В. А.?] О развале русского театра // Новое время. 1911. 6 марта. № 12565. С. 5—6.

⁵⁷ Исчисление температуры воздуха по шкале Реомюра.

⁵⁸ В письме от 6 марта 1911 года Вяч. Иванов объяснял перемену планов служебным делом, связанным с необходимостью присутствовать 7 марта на совете Высших женских курсов Н. П. Раева, где в 1910—1912 годах он читал лекции по древнегреческой и римской литературе (см.: Переписка В. И. Иванова и А. М. Ремизова / Вступ. статья, прим. и подг. писем А. Ремизова — А. М. Грачевой; подг. писем Вяч. Иванова — О. А. Кузнецовой // Вячеслав Иванов: Материалы и исследования. М., 1996. С. 101).

⁵⁹ Ошибка памяти: статья Иванова-Разумника «Клопные шкурки», содержащая критику деятельности Религиозно-философского общества, впервые была опубликована в февральском номере журнала «Заветы» (1913. № 2. Отд. I. С. 105—114). Подробнее об этом печатном выступлении Иванова-Разумника и последовавшей ему дискуссии, инициированной Э. Н. Гиппиус, см.: *Белоус В.* Об одном инциденте в петербургском Религиозно-философском обществе и его последствиях // На рубеже двух столетий: Сб. в честь 60-летия А. В. Лаврова. М., 2009. С. 55—69. В данном случае в оригинале письма (см. Приложение) речь шла о другой публикации. Иванов-Разумник как идейный оппонент Мережковских, в частности, по отношению к их деятельности в петербургском Религиозно-философском обществе, в 1911 году начал «крестовый поход» против Д. С. Мережковского, в своих критических работах развенчивая образ писателя, претендовавшего на статус первого, после Л. Н. Толстого, писателя современности. Фельетон Иванова-Разумника под названием «Пастырь без стада (Д. Мережковский)» был опубликован на страницах московской газеты (Русские ведомости. 1911. 6 марта. № 53. С. 3), с обещанием автора продолжить рассмотрение феномена Мережковского в следующей статье. Вскоре появился фельетон с не менее хлестким названием «Мертвое мастерство (Д. Мережковский)» (Там же. 27 марта. № 70. С. 4—5). Характерно, что критик, увлеченный творчеством Ремизова, возможно, даже намеренно противопоставил в обеих статьях двух писателей, используя для негативных характеристик творческой личности Мережковского цитаты из произведений Ремизова.

⁶⁰ Жилкин Иван Васильевич (1874—1958) — публицист, журналист, депутат 1-й Государственной Думы, поддерживал дружеские отношения с москвичами и петербургскими литераторами; его жена — Зинаида Андреевна Жилкина (урожд. Вершинина).

⁶¹ Ивойлов Владимир Николаевич (псевд. В. Княжнин; 1883—1942) — поэт, критик, библиограф, историк литературы.

⁶² Шварсалон Вера Константиновна (1890—1920) — дочь супруги Вяч. Иванова писательницы Лидии Дмитриевны Зиновьевой-Аннибал (урожд. Зиновьева; в первом браке Шварсалон; 1866—1907).

⁶³ Ан. Н. Чеботаревская.

⁶⁴ Попов Николай Александрович (1871—1949) — театральный режиссер, драматург, меценат. Евреин Николай Николаевич (1879—1953) — режиссер, драматург, историк и теоретик театра. Судейкин Сергей Юрьевич (Георгиевич; 1882—1946) — живописец, театральный художник. О. А. Глебова-Судейкина (1885—1945) — актриса, танцовщица, художница; первая жена С. Ю. Судейкина. Хованская Евгения Александровна (1887—1977) — актриса; жена П. П. Потемкина.

⁶⁵ Аберрация памяти. Ср. оригинал письма на С. 202. Имелся в виду тенор-любитель Александр Прокофьевич Сандуленко.

⁶⁶ Владимир Александрович Секилов (1875—1918). Подробнее о работе композитора над оперой (1911) см. в комментарии О. А. Линдеберг к пьесе «Действо о Георгии Храбром»: *Ремизов А. М.* Собр. соч. М., 2016. Т. 12: Русалия. С. 831.

⁶⁷ Константин Александрович Сюннерберг (псевд. Эрберг; 1871—1942) — теоретик искусства, критик, поэт, переводчик; оставил мемуарные заметки о современниках символистского круга, где, в частности, описал впечатления от маскарада 1911 года, на котором Ремизов появился в импровизированном костюме с обезьяньим хвостом (см.: *Эрберг Конст.* Воспоминания / Публ. С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979. С. 138—140). Чириков Евгений Николаевич (1864—1932) — писатель, драматург. Чирикова Валентина Георгиевна (урожд. Григорьева; 1874—1966) — актриса (сценический псевдоним Иолшина); жена Е. Н. Чирикова. Кондратьев Александр Алексеевич (1876—1967) — поэт. Цензор Дмитрий Михайлович (1877—1947) — поэт.

⁶⁸ Нувель Вальтер Федорович (1871—1949) — чиновник особых поручений Канцелярии Министерства императорского двора; один из учредителей объединения «Мир Искусства», обладал многогранными художественными, литературно-художественными способностями и являлся любимцем символистского Петербурга. См. о нем: *Виноградова Е. В.* Семья Философовых на страницах воспоминаний о С. П. Дягилеве В. Ф. Нувеля // *Философовские чтения.* Псков, 2005. С. 137—143.

⁶⁹ См. прим. 39.

⁷⁰ Речь идет о квартире супругов Мережковских на Литейном пр., 24/27 (дом А. Д. Мурузи).

⁷¹ Сергей Абрамович Ауслендер и его жена — Надежда Александровна Зборовская-Ауслендер (урожденная Зноско-Боровская; ?—1952) — актриса; сестра Е. А. Зноско-Боровского — секретаря редакции журнала «Аполлон»; жена Ауслендера с 1910 года.

⁷² Копельман Соломон Юльевич (1881—1944) — издатель, основатель (совместно с З. И. Гржебиным) и главный редактор издательства «Шиповник» (СПб., 1906—1918). Беклемишева Вера Евгеньевна (1881—1944) — жена С. Ю. Копельмана, литературный секретарь издательства «Шиповник». Антик (урожд. Копельман) Елизавета Юльевна — сестра С. Ю. Копельмана, совладелица издательства «Шиповник».

⁷³ Подразумевается лирический цикл Ю. Н. Верховского «Золотой цветок» (впервые: *Альманах издательства «Шиповник».* 1911. Кн. XXI. С. 133—140).

⁷⁴ Справочник «Весь Петербург» приводит информацию о двух врачах Владыкиных: ассистенте Императорского повивально-гинекологического института — Александре Львовиче и о докторе из амбулатории Общины св. Евгении — Борисе Васильевиче; Р. Д. Тименчик указывает на Б. В. (см. комментарий в книге: *Пяст В.* Встречи / Сост., вступ. статья, науч. подг. текста, комм. Р. Тименчика. М., 1997. С. 271, 397). Причастность одного из них к литературной богеме подтверждается строками из письма Н. А. Андреева к Ремизову от 3 декабря 1910 года: «Было это на вечеру у Владыкиных (где хозяин ждал и Вас)». В письме среди гостей упоминаются также Сологуб и Розанов (РНБ. Ф. 634. № 42. Л. 8 об.).

⁷⁵ Предположительно, речь идет о возобновлении постановок «Старинного театра» — театральной студии, учрежденной Н. Н. Евреиновым и бароном Н. В. Остен-Дризенем, концепция которой состояла в сценической реконструкции драматургических жанров западноевропейского Средневековья и Ренессанса.

⁷⁶ Предварительные планы Ремизова относительно содержания томов Собрания его сочинений, выпускаемых издательством «Шиповник», претерпели изменения. Четвертый том составил роман «Пруд», а пятый содержал повесть «Крестовые сестры» и рассказы «Чертыханец», «Галстук» и «Мака». Рассказ «Таинственный зайчик» впервые появился в печати в составе сборника «Подорожие: Рассказы» (СПб.: Сирин, 1913).

⁷⁷ Переработка текста «Крестовых сестер» была связана с подготовкой пятого тома Собрания сочинений.

⁷⁸ Речь идет о так называемом «министерском кризисе», начавшемся 4 марта 1911 года, когда голосованием в Государственной Думе был отклонен выдвинутый правительством законопроект о земстве в западных губерниях. 5 марта премьер-министр Петр Аркадьевич Столыпин (1862—1911) подал в отставку с мотивацией нежелания работать в обстановке недоверия со стороны императора. Через пять дней после переговоров Николай II принял ультимативные условия Столыпина: распустил Думу на три дня и самолично провел столыпинский закон. Премьер-министр остался в Правительстве, но его отношения с Думой приобрели выраженный конфликтный характер.

⁷⁹ Упоминание об этом происшествии находим в ремизовском инскрипте на авторском экземпляре издания романа «Часы» (1908) с посвящением С. П. Ремизовой-Довгелло 1 марта 1923 года: «О происхождении Часов: это самое больное, о чем со стыдом вспоминаю: это в Киеве — когда ты кормила Наташу и на уроки ходила, а я писал. <...> Помню комнату, почему-то помню всегда, однооконная, узкая и тут же кровать складная походная, и дверь, где ты с Наташей. Пожар помню. Я взял рукопись эту „Часы“, икону и Наташу. <...> Это память начальная — пробивания моего в „люди“» (цит. по: Волшебный мир Алексея Ремизова: Каталог выставки. СПб., 1992. С. 16—17).

⁸⁰ Гюнтер Иоганнес фон (1886—1973) — немецкий поэт, переводчик, уроженец Курляндии, появился в Петербурге в 1906 году и сразу был принят в круг символистов. См. его воспоминания о первых посещениях «Башни», а также о Ремизовых, у которых он прожил несколько недель весной 1906 года: *Гюнтер И. фон. Жизнь на восточном ветру. Между Петербургом и Мюнхеном* / Пер. с нем. предисловие и комм. Ю. Архипова. М., 2010. С. 122—129; 137—138).

⁸¹ См. прим. 59.

⁸² См. прим. 54.

⁸³ Вильямс Гарольд (Williams Harold, 1876—1928) — британский лингвист, журналист, в 1905 году корреспондент ведущих английских газет; сотрудник британских разведывательных служб; муж А. В. Тырковой.

⁸⁴ Переработка пьес «Бесовское действо над неким мужем, а также прение живота со смертью» (1907) и «Трагедии о Иуде принце Искаротском» (1909) была связана с подготовкой тома в составе Собрания сочинений. Восьмой том «Русальные действия» был выпущен издательством «Шиповник» в 1912 году.

⁸⁵ Подразумевается работа над пьесой «Действо о Георгии Храбром».

⁸⁶ Николай Сергеевич Клещев, студент-медик из Пензы, упоминается в автобиографическом романе «Иверень. Загогулины моей памяти» (глава «На мельнице»).

⁸⁷ См. прим. 48.

⁸⁸ Речь идет об издательстве «Georg Müller».

⁸⁹ Аберрация памяти: рассказ «Жертва» был опубликован в первом номере журнала «Весь» за 1909 год. Название рассказа не упоминается в оригинале письма (см. Приложение), однако очевидно, что речь шла о рассказе «Чертыханец», рукопись которого Ремизов направил В. Я. Брюсову в редакцию журнала «Русская мысль» в последних числах февраля, поскольку 1 марта Брюсов сообщил П. Б. Струве о получении нового рассказа Ремизова. См. обсуждение условий публикации этого произведения в письмах редакторов журнала, приведенных в комментариях А. В. Лаврова к переписке Брюсова с Ремизовым (Лит. наследство. 1994. Т. 98. Кн. 2: Валерий Брюсов и его корреспонденты. С. 212—213). «Чертыханец» был напечатан в четвертой книге журнала «Русская мысль» (1911. Кн. 4. Отд. I. С. 138—160).

⁹⁰ Гуро Елена Генриховна (1877—1913) — поэтесса и художница, близкая футуристической группе «Гилея»; супруга художника-авангардиста М. В. Матюшина; познакомилась с Ремизовыми благодаря В. Г. Малахеевой-Мирович, которая в свою очередь была близкой подругой Гуро.

⁹¹ Очевидно, речь идет о четвертом томе «Сочинений» Г. И. Чулкова, вышедшем в 1911 году в издательстве «Шиповник» под названием «Стихи и драмы».

⁹² Тыркова-Вильямс Ариадна Владимировна (в первом браке Борман, во втором — Вильямс; 1869—1962) — общественная деятельница, член ЦК конституционно-демократической партии, публицист, прозаик, мемуарист. Речь идет о лекции «Любовь и смерть в современной литературе», назначенной на 20 марта 1911 года в лектории Высших коммерческих и счетоводных курсов М. В. Побединского (Невский, 102). Наряду с поэтическими произведениями А. Блока, Вяч. Иванова и З. Гиппиус Тыркова-Вильямс в свете вынесенной в заголовок лекции проблематики обращалась к анализу повести Ремизова «Крестовые сестры» (см. объявление и анонс лекции в рекламном отделе газеты «Речь» (1911. 15 марта. № 72. С. 1)).

⁹³ См. прим. 48.

⁹⁴ Табачный магазин А. К. Баннова на Невском пр., 77.

⁹⁵ Сабашникова Маргарита Васильевна (1882—1973) — художница, первая жена Волошина, в мае 1911 года находилась в Париже. В своих воспоминаниях М. Сабашникова прогулки с Ремизовыми по Парижу ошибочно относит к лету 1910 года. См.: *Волошина М.* [М. В. Сабашникова] Зеленая Змея. История одной жизни / Пер. с нем. М. Н. Жемчужникова. М., 1993. С. 193. Возможно, ввиду этой аберрации мемуаристки возникла ошибочная датировка в «Летописи жизни и творчества Маргариты Васильевны Сабашниковой», составленной В. Н. Купченко, где указываются сентябрьские встречи Сабашниковой «с Ремизовыми» «в Париже у Бальмонтов» и упоминается о портрете С. П. Ремизовой-Довгелло, написанном тогда же Сабашниковой (Russian Studies: Ежеквартальный журнал русской филологии и культуры. 2000. Т. 3. № 3. С. 374). Несомненно, эти события следует отнести к маю 1911 года.

⁹⁶ Жена журналиста, сотрудника газеты «Речь» Д. А. Левина.

⁹⁷ См. письма Ф. Фриш Ремизова: РНБ. Ф. 634. № 230.

⁹⁸ Речь идет о книге В. В. Розанова «В темных религиозных лучах», отпечатанной в конце 1910 года тиражом 2400 экземпляров и уничтоженной после запрещения цензурой. Подробнее

о трагической судьбе издания см.: *Ломоносов А. В.* Бельгард Алексей Валерианович // *Розановская энциклопедия / Сост. и гл. ред. А. Н. Николюкин. М., 2008. Стлб. 123—124.* Письмо Щеголева см.: *РНБ. Ф. 634. № 243. Л. 10.*

⁹⁹ Речь идет о книге фольклориста, этнографа, историка литературы Евгения Александровича Ляцкого (1868—1942) «Былины: Старинки богатырские», которая в марте 1911 года вышла из печати в собственном издательстве Ляцкого «Огни».

¹⁰⁰ См. прим. 84. Драматические произведения вошли в VIII том.

¹⁰¹ Подразумеваются общины, образованные в сектах хлыстов, которые назывались «кораблями».

¹⁰² Очевидно, ошибка датировки. Ср. хронику Общества ревнителей художественного слова: «11 марта в редакции „Аполлона“ среди картин и изваяний Дмитрия Стеллецкого состоялось первое в нынешнем сезоне заседание Общества Ревнителей Художественного слова. Очередное сообщение сделал Ф. Ф. Зелинский, предживший как предмет обсуждения выводы, к которым пришел он в области стихосложения, переводы в течение последних лет Героиды Овидия» (*Чуд.* [Чудовский В. А.] Собрания и доклады // *Русская художественная летопись. 1911. № 8. С. 124—125.*)

¹⁰³ Неустановленное лицо.

¹⁰⁴ В «Тетрадах посещений», которые вел Ф. Сологуб в течение многих лет, домашние вечера 1911 года не отражены (см.: «Тетрады посещений» Федора Сологуба / Вступ. статья, публ. и аннотированный указатель имен М. М. Павловой и А. Л. Соболева // *Федор Сологуб: Разыскания и материалы. М., 2016. С. 9—139.*)

¹⁰⁵ Ремизовы прибыли в Париж 22 апреля (5 мая) 1911 года и сначала остановились в гостинице *Hôtel des Américains* на *Bulevard St. Michel* в Латинском квартале, расположенном на левом берегу Сены, а затем переехали в квартал Сен-Жермен, на *rue Monsieur le Prince*, 63, в *Hôtel de l'Univers*. См. итнерарий Ремизова на 1905—1912 годы: *РНБ. Ф. 631. Оп. 1. № 3. Л. 15.*

¹⁰⁶ Поэт и прозаик Василий Васильевич Каменский (1884—1961), вспоминая о времени основания футуризма (1909—1911), отмечал, что представителей нового литературного направления среди известных литераторов особенно интересовали, творчески и лично, Ремизов и Блок. См.: *Каменский В.* Путь энтузиаста // *Каменский В. Соч. М., 1990. С. 441.*

¹⁰⁷ Речь идет о томе в составе «Сочинений» Г. И. Чулкова (2-е изд. СПб.: Шиповник, 1911).

¹⁰⁸ Ср. текст оригинала письма (Приложение. С. 205), а также: *Ремизов А.* Кукха. Розановы письма. СПб., 2011. С. 63—66.

¹⁰⁹ Леман Борис Алексеевич (1882—1945) — поэт, критик, переводчик, антропософ; в 1907 и 1909 годах выпустил две книжки стихов под псевдонимом Борис Дикс. Автор книги «Чурлянис» (1-е изд. Пб., 1912; 2-е изд. Пг., 1916). С 1916 года секретарь петроградского отделения Русского антропософского общества. В середине 1920-х годов был выслан в Среднюю Азию за причастность к антропософии. Упоминается в очерке Ремизова «О понимании» (см.: *Ремизов А.* Кукха. Розановы письма. С. 216—217). Как член университетского «Кружка молодых», сотрудничал в журнале «*Gaudeamus*». Публикации статей Лемана в газете «Новое время» не выявлены. О его оккультной деятельности см.: *Богомолов Н. А.* Между Леманом и Диксом // *Богомолов Н. А.* Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 1999. С. 335—411.

¹¹⁰ Ошибка Ремизова (см.: Приложение. С. 205), связанная с аллюзией к известному теософскому центру Р. Штайнера (учрежден в 1913 году) и одноименному журналу «*Das Goetheanum*» (1921/1922, Dornach). В действительности речь шла о петербургском еженедельном студенческом литературно-художественном журнале «*Gaudeamus*», первый номер которого вышел из печати в январе 1911 года (всего вышло 11 номеров). Инициаторами журнала стали бывшие участники «Кружка молодых», работавшего в Петербургском университете в 1907—1910 годах — А. А. Гизетти, А. И. Гидони и В. И. Нарбут, впоследствии занявший позицию редактора поэтического раздела журнала. В создании этого печатного органа принимал деятельное участие А. А. Блок. Подробнее см.: *Тименчик Р. Д.* Блок и литераторы // *Лит. наследство. 1987. Т. 92. Кн. 4. С. 546—549.*

¹¹¹ Неустановленное лицо.

¹¹² С. М. Ремизов. См.: На вечерней заре. 1907. С. 167 (прим. 7).

¹¹³ Мартовская книга журнала «Русская мысль» содержала окончание публикации романа З. Н. Гиппиус «Чертова кукла».

¹¹⁴ Подразумевается первая редакция поэмы «Возмездие», называемой Блоком «Варшавская поэма».

¹¹⁵ Тема войны с Китаем в российской политической истории возникла в связи с китайской революцией (март 1911 года), в результате которой участились случаи переселения большого количества китайского населения в Маньчжурию. Это незаконное пересечение государственной границы на Дальнем Востоке потребовало политического урегулирования вопроса между двумя государствами и в свою очередь создало общее настроение предчувствия войны. См., в частности, статью А. А. Измайлова (*Аякс.* Пророчества о войне с Китаем // *Биржевые ведомости*

(веч. вып.). 1911. 7 марта. № 12209. С. 3), в которой критик актуализирует мистически-тревожные мысли о «желтой опасности» Вл. Соловьева, высказанные в философском трактате «Три разговора» (1900). См. также репортаж о конфликте русско-китайской дипломатии и стягивании российских военных сил на границе с Китаем (Биржевые ведомости (утр. вып.). 1911. 5 марта. № 12206. С. 1; 6 марта. № 12208. С. 1). Наибольшего накала общественные волнения по поводу возможной войны достигли осенью. Ср. дневник Блока, запись от 29 октября: «Сегодня газеты полны волнения. *Рост китайской революции* — там приходит конец не только маньчжурской династии, но и абсолютизму...», а также запись от 14 ноября: «Так и мы: позевываем над желтой опасностью, а *Китай уже среди нас*» (Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 7. С. 78, 89).

¹¹⁶ Н. С. Бутова.

¹¹⁷ Подразумевается проект сборника апокрифических сказаний, аналогичный ремизовскому сборнику «Лимонарь: сиречь Луг духовный», выпущенному издательством Вяч. Иванова «Оры» (СПб., 1907).

¹¹⁸ Рождество Христово: Отреченная повесть (впервые: Русские ведомости. 1911. 25 дек. № 297. С. 2); Поправление клятвы Адамовой (впервые: Жатва: Журнал литературы. 1912. Кн. 1 (Зима). С. 207—214).

¹¹⁹ В. Н. Ивойлов.

¹²⁰ Фидлер Федор Федорович (Фридрих Фридрихович; 1859—1917) — переводчик, писатель, коллекционер, организатор частного «литературного музея», посвященного литераторам России и Германии, хроникер литературной жизни Петербурга. Подробнее о нем см.: *Фидлер Ф. Ф.* Из мира литераторов: характеры и суждения / Вступ. статья, сост., пер. с нем., прим., указатели и подбор иллюстраций. К. М. Азадовского. М., 2008.

¹²¹ Чулков Георгий Иванович (1879—1939) — прозаик, поэт, критик, пригласил Ремизова на службу в редакцию «Вопросов жизни» после того, как от этого места отказался начинающий поэт и прозаик А. А. Кондратьев. Подробнее см.: *Чулков Г.* Годы странствий. С. 65—80. Публикацию писем Ремизова к Чулкову (1905—1918) см.: Кафедральные записки: Вопросы новой и новейшей русской литературы / Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. Кафедра истории русской литературы XX века. М., 2002. С. 225—245 (комм. М. В. Михайловой).

¹²² Яценко Александр Семенович (1877—1934) — юрист, литератор; с 1911 по 1917 годы приват-доцент на кафедре энциклопедии и истории права Петербургского университета; экстраординарный профессор юридического факультета.

¹²³ Повесть «Пятая язва» впервые была опубликована в 1912 году на страницах Литературно-художественного альманаха издательства «Шиповник» (Кн. 18. С. 109—209); имя главного героя было изменено на фамилию Бобров.

¹²⁴ Хренов Александр Сергеевич (1860—1926) — архитектор и владелец дома на Таврической улице (д. Зв., кв. 23), в котором Ремизовы проживали с 21 сентября 1910-го по июнь 1915 года.

¹²⁵ Воспитанник Училища гражданских инженеров.

¹²⁶ Акумовна — прислуга Ремизовых, образ которой запечатлен писателем в повести «Крестовые сестры».

¹²⁷ По смерти отца — Александра Львовича Блока — профессора права Варшавского университета, последовавшей в 1909 году, А. А. Блок унаследовал значительный капитал, обеспечивший ему безбедное существование на несколько лет вперед.

¹²⁸ Ср. письмо Ремизова А. А. Блоку от 1 июля 1911 года, с упоминанием о Л. Д. Блок, которая в июне встречалась с Ремизовыми в Париже: «Любовь Дмитриевна выручила много, была у нас. Взял я у ней денег и много и еще бы взял, будь сейчас тут» (Лит. наследство. Т. 92. Кн. 2. С. 94).

¹²⁹ Роман Гишпиус «Чертова кукла. Жизнеописание в 33 главах» печатался в журнале «Русская мысль» (1911. № 1—3); отдельным изданием был выпущен в свет в мае 1911 года «Московским книгоиздательством».

¹³⁰ См. прим. 18.

¹³¹ Якубович Петр Филиппович (1960—1911) — революционер-народоволец, поэт, писатель, переводчик; умер 17 (30) марта. В течение долгих лет полицейского надзора Якубович был вынужден печататься под псевдонимами. Свои поэтические произведения он обычно подписывал криптонимом *Л. Я.* Именно поэтому в оригинале письма Ремизов не раскрыл полного имени (ср. текст письма на с. 209 наст. публ.), прозу — псевдонимом *Л. Мельшин*, критику — *П. Гриневич*. Известность к нему пришла после публикации в журнале «Русское богатство» автобиографического романа «В мире отверженных» (1895—1898), посвященного годам, проведенным на каторге. Жизненный опыт, преданность народовольческим идеалам и литературный талант Якубовича высоко ценились не только революционерами, но и либеральной интеллигенцией, к числу которой принадлежал В. В. Розанов, писавший о Якубовиче: «Он был поэт. С Верою Фигнер единственные поэты радикализма» (*Розанов В. В.* Собр. соч. Террор против русского национализма (Статьи и очерки 1911 г.). М., 2006. С. 147). Супруги Ремизовы, в особенности С. П. Ремизова-Довгелло, следили за судьбой политических узников. Возможно,

даже были знакомы с Якубовичем, организовавшим в 1905 году Комитет помощи заключенным шлиссельбуржцам. Ср. дневник Ремизова 1905 года и авторский комментарий, в котором речь идет о пожертвованиях шлиссельбуржцам: *Ремизов А. М.* Кукха. Розановы письма. С. 30. См. также упоминание о Якубовиче как кумире революционеров 1900-х годов: *Ремизов А. М.* Собр. соч. М., 2003. Т. 10: Петербургский буерак. С. 232.

¹³² Бурнакин Анатолий Андреевич (?—1932) — критик, журналист, поэт; с осени 1910 года сотрудник газеты «Новое время». Его отзыв на повесть Ремизова «Крестовые сестры», в котором он отметил газетный генезис ремизовских микросюжетов, включенных в контекст повествования, см.: *Бурнакин А.* Новая специальность // Новое время. 1910. 29 окт. № 12440. С. 4.

¹³³ Очевидно, речь идет о «спиртном», возможно, не без аллюзии к поэтическому сборнику Г. Апполинера «Alcools» (1913).

¹³⁴ Парижская церковь Сен-Сюльпис (Église de Saint-Sulpice), расположенная в квартале Сен-Жермен. Неподалеку находился и Hôtel de l' Univers, в котором поселились Ремизовы.

¹³⁵ Archevêque — архиепископ (фр.).

ПРИЛОЖЕНИЕ

1

№ 1

⟨Петербург⟩

2—3 III. 2 ч⟨аса⟩ ночи (со среды на четв⟨ерг⟩) 1911 г.

До двух часов просидел Пришвин, дорогая моя деточка. Напишу письмо и спать лягу. Сижу в твоём платке, холодно что-то стало. В час во время чтения пришвинского, икота напала: перевели тебя в другое отделение — должно быть ты поминала. Цветы очень хорошие: роза пунцовая, роза белая, пять махровых бело-алых гвоздик очень крупных, два папоротника, да ветка мимозы. Поставил цветы к слону.

Читал Пришвин свой рассказ, а я исправлял. Напоминает по манере его «Черного арапа» ⟨sic!⟩. Ничего, любопытно.

Сразу, как вернулся (один вернулся, Бурлючку ⟨Л. Н. Бурлюк⟩ встретил при выходе, а Пришвин — дурак, потащился на Николаевск⟨ий⟩ вокзал и там у киоска ждал меня), чай пил, слушать не мог, деточка. О религиозн⟨ом⟩ собрании ничего не спросил, узнаю у Алекс⟨андры⟩ Николаевны ⟨Чеботаревской⟩.

О Пришвинском рассказе писать-расписывать не хочется: ничего особенного нет, такого нет, чтобы писать. Опять об охоте, опять гуси. И посоветовал я ему назвать рассказ не «Птичье кладбище», а «Гусиная ночь», потому что о кладбище птичьем ничего не говорится.

Ну, деточка моя, до свидания. Спать лягу, спать хочется. Будь осторожна без папы.

А. Ремизов

Завтра утром велю Броне письмо опустить.

Письмо вышло маленькое. Ну как Бубука? Как она? Как носик? Как ушки?

2

№ 2

⟨Петербург⟩

1911 г. 3—4 ⟨марта⟩ (четверг). 2 ч⟨аса⟩ ночи

Дорогая деточка моя, досидел я до ночи один. Никто не был, слава Богу. Так мне все надоело. Встал я в 10-ь. Прислали корректуру из сборн⟨ика⟩ против зем-

летрясений, поправил. Должно быть, ошибок не сделал. И больше никаких писем. Во сне видел, будто сидим мы с тобою, о чем-то разговариваем, вдруг звонок. Идем к двери, а из дверей — Рязановский. Но не Ив(ан) Ал(ександрович), а его «брат».

Цветы к тебе в комнату поставил. Я их сохраню до твоего возвращения. Делать особенно ничего не делал: комнату свою все прибирал — книги расставлял, потом сел за свои записные листки. И стал думать и о Турке и о Георгии и о Пруде. Сделал несколько заметок. Голова болела немного, а потом к 12-и часам прошла. Все в порядке и не больно ничего. Ел мозги.

Вот тебе, деточка, отчет. А ты еще в вагоне. (1 слово нрзб. — Е. О.) кажется, (3 слова нрзб. — Е. О.).

Если бы никто не приходил, хорошо бы: ждал бы я тебя, а приехала бы — пошел бы разговор.

Сейчас нашел в записных своих заметку:

«У Оли была кофточка ночная заветная». Кто эта Оля, я уж и не знаю? И еще, как любила купаться. Это все записано на пароходе, ехали когда по Волге.

Деточка, будь мудрой. Письмо придет, ты будешь уж на месте. Знаю, много огорчит тебя, расстроит. Так все представляю себе, так будь же мудрой.

Всего тебе, деточка, хорошего. Тихо сейчас в доме, тихо очень. На дворе опять холодно.

А. Ремизов.

Р. С. В Н(овом) В(ремени) написано о «диких», негодуют на то, что в плен их взяли. А в Думе чуть было не подрались из-за курсисток: очень уж стал один «русский» ругать и бранить чуть не б....ми.

АР

3

№ 3

(Петербург)

1911 г. с 4—5. (марта) пятница. ½ 2 ночи

Сейчас вернулся с именин, деточка. Вячеслав просил тебе написать, что кланяется. На именинах были: 2 сестры Беляевские, 2 сестры Чеботаревские, Сологуб (приехал с Ан(астасией) Ник(олаевной) в 1 ч(ас)), Мосолов с Пястом, Мейерхольд с Ольгой Мих(айловной) (Мунт), и Аничков с Верховск(им).

Кузмин, когда я пришел (а пришел я в 10-ь), был, а потом уж и не показывался. Вяч(еслав) очень был доволен моим подарком: 2 рыбы и, знаешь, халва оставалась и черешни — я сделал (рисунок с надписями: *Халва. Черешни. — Е. О.*), это будто бы грачи принесли (сегодня, деточка, грачи прилетели!). Ну, сначала подарки рассматривали, потом пришел Аничков, стал Вяч(еслав) ему о его лекции рассказывать, потом явились Пяст с Мос(оловым), Мейерх(ольд) с О(льгой) М(ихайловной), принесли 4 живых рыбы в банке, на банке наклейка: садок судей. До 12-и так прошло время. В 12-ь чай. Я о папуасах рассказывал. Потом Аничкову одному подробности. И ушел.

Сегодня 3 письма получено: от Гершензона (посылает какой-то оттиск и о Пришвине пишет, что ему нравятся такие его вещи, где он не рассуждает), от Сологубов (sic!) (напечатанное) приглашение на вторник в 9 ½ ч(асов) в(ечера) на чашку чая, от Пришвина, что придет завтра вечером, принесет переписанный рассказ.

Был Ив(анов)-Разумник, просил написать тебе поклон. Рассказывал, что был в Р(усском) Бог(атстве) и что приняли роман Романова.

Пробовал писать я — что-то плохо идет. Не могу я, деточка, наладит(ь)ся. Сяду, посижу — да пройду по комнате.

Порошок А(лександра) Л(еонтьевича) (Мендельсона) действует — после обеда сонливости не чувствую. А снился мне сегодня Толстой Лев Николаевич, будто ведет он меня купаться, — вместе купаться. А потом, будто мы сидим с тобой в комнате и надо в комнате 3 кровати поставить (думаю про себя: не для Бубуки ли это кровать надо поставить?). А кто-то говорит: «Будете вы переезжать с места на место, как Ал(ексей) (sic!) Толстой».

Ну, детяточка, второй день ты сегодня. Как мне хочется сделать что-нибудь к твоему приезду — написать бы что-нибудь.

Всего тебе хорошего, детяточка моя.

А. Ремизов

(Стирка идет вовсю).

4

№ 4

(Петербург)

5—6 III (суббота) 1911 г. 1 ч(ас) ночи

Конечно, деточка, исполнял твою волю, но знаешь, лучше бы не заказывала: пришла Ал(ександра) Н(иколаевна) проведать и сидела. Попала она, как раз к чаю, напоил ее чаем. А надо тебе сказать, только что я вернулся из «Шиповника» и думаю себе: поем, выпью чаю и буду заниматься.

Разговор шел о вчерашнем: как Сологуб с Вячесл(авом) помирились. А уходя, пообещала зайти в понедельник: сообщить о Христ(ианской) секции. Во вторник сговорился идти к Сологубу. (Пойду часов в 11-ь, а то там будет читать Гидони, — удовольствие небольшое).

В «Шиповнике» получил деньги. Гржебину отдал 15 р(ублей) (а 10 пообещал в апр(еле)); отдал Броне 10 р(ублей). III том будет печататься в июне, IV — в июле — корректуру будут высылать, куда укажу.

Как только ушла Ал(ександра) Н(иколаевна), звонок: Пришвин обалделый: уезжает, брат застрелился.

Рассказывал о брате своем. Я ему коньяку дал выпить, который у нас оставался, помнишь, в бутылочке. И до осени не вернется. Я тебе расскажу, как все происходило. Ты помнишь, Пришвин рассказывал немного. Очень он взбаламучен был.

Принимал я ванну, ел мозги.

В газетах в «Итогах недели» (Москва) статья Арцыбашева о Л. Н. Толстом. Я тебе ее сохраню, искренно очень написана. А в Н(овом) В(ремени) статья Розанова по поводу вечера Сологуба, ругает.

Во сне видел: еду по железной дороге и прямо в воду.

Так-то, моя детяточка, так-то Голубяточка. Кажется, уж неделя прошла — а всего только 4 вечера.

Завтра для избежания Форшихи пойду в парикмахерскую после обеда. А то чего доброго придет, не дай Бог!

Я уж, деточка, о тебе соскучился.

А. Ремизов.

Письмо получено от А(р)кадия (Зонова) кланяется и извиняется, что не зашел перед отъездом.

5

№ 5

⟨Петербург⟩

6—7 III (воскресенье) 1911 г. 1 ч⟨ас⟩ н⟨очи⟩

Дорогая моя деточка, сижу дома сегодня, выходил гулять — пешком ходил на почту, покупал марки. И Фриш письмо отправил о Крест⟨овых⟩ сестрах. Форшиха не приходила. Принесли 2 билета на выставку Стел⟨л⟩ецкого из Аполлона; затем от Гершензона тоненькая книга о Киреевском пришла, да от В⟨арвары⟩ Г⟨ригорьевны⟩ ⟨Малахиевой-Мирович⟩ книга Брамлей (стихи и проза) да № 5 Летописи Аполлона. Получил еще повестку на завтра в университет: доклад Аничкова, о котором он мне говорил. Хотел идти с Пришвиным, но теперь нельзя, пойду с Вяч⟨еславом⟩. Аничков очень будет огорчен, если не идти, хотя, признаюсь, с удовольствием не пошел бы. Один боюсь туда забираться. Завтра зайдет Ал⟨ександра⟩ Н⟨иколаевна⟩ и переговорю. Вяч⟨еслав⟩ собирается и мне предлагал на именинах, но я тогда не дал определ⟨енно⟩ твердого ответа.

Представь себе, вот неожиданно, опять ко мне пришел тот из ночлежки и, как я не отговаривался, дал-таки мне свою рукопись. Ой, тяжело мне с такими. Вроде Сивачева может выйти. Мучил он меня с час. Говорил и о Л⟨еоиде⟩ Андрееве и о Шалапине. Говорил и о том, что он в произведении своем такое написал, чего еще никто не писал — один против всех. Ой, тяжело мне с такими! Дал ему 40 коп⟨еек⟩, как тогда. И ушел он.

Заплатил сегодня за квартиру, за молоко и портному. Написал первую редакцию Галстука. Маленький выйдет рассказ, если его не наводнить эпизодами. А я думаю, что эпизоды отягчат — ведь галстук — маленькая вещица.

Во сне мне снилась какая-то ерунда и бестолочь, так оно и вышло — приходил этот до обеда.

Попишу-попишу, да пройдуся по комнатам, всякую пылинку сдую. К твоему приезду все будет в порядке. Газеты уложил, книги ⟨уложил — зачеркнуто. — Е. О.⟩ разме⟨с⟩тил, вату из твоего окна вынул.

В газетах любопытного нет, разве отчет о реферате Пуришкеви⟨ча⟩, пишет, что «среди актеров в России 40 % жидов».

Ну, деточка, до свидания. Скоро письмо от тебя будет. Хотелось бы к твоему приезду рассказ приготовить.

А. Ремизов

6

№ 6

⟨Петербург⟩

7—8 III (понедельник) 1911. 12 ч⟨асов⟩ н⟨очи⟩

Сейчас, деточка, вернулся с Аничковской лекции.

Заходила Ал⟨ександра⟩ Ник⟨олаевна⟩ без $\frac{1}{4}$ 8 и на № 4 отправились. Я в университете не был с 1907, и едва нашел. Холод стоит адов. Только было 20°R. На лекции был только Пяст и Верховский, а то все неизвестные люди. Голова разболелась — мигрень (левый глаз). Спать лягу — единственное спасение.

Снилось мне это самое — 10 аршин. Думал, что деньги получу, но ничего не получил. Письмо одно — от Рязановского. У него умерла мать. Кланяется и приглашает в Кострому. Утром, только что чаю выпил, А⟨лександра⟩ Н⟨иколаевна⟩ пришла, письмо от Вячеслава ⟨Иванова⟩, что не может на Аничкова ехать в виду заседания на курсах. Потом Р⟨азумник⟩ В⟨асильевич⟩ ⟨Иванов-Разумник⟩ при-

шел, принес «Р⟨усские⟩ В⟨едомости⟩» с I-вым фельетоном своим о Мережковском (сохраняю для тебя). Посидел и пошел.

А я сел за 2-ую редакцию. И уж кончаю.

Маленький рассказ выйдет. Ну, ничего не поделаешь. Выпью чаю и спать лягу, голова очень болит.

Днем солнечно, а холодно так: открыл все трубы — ты их, деточка, все-то закрыла.

Завтра я, может быть, к Сологубу не пойду. Увижу, как будет — если такой холод, Бог с ним.

По моим наблюдениям Броня влюбилась в Разум⟨ника⟩ Вас⟨ильевича⟩. Очень услужлива, когда он приходит.

Деточка, не надо ли тебе денег выслать. Пишут в газетах, что на Киево-Вор⟨онежской⟩ ж⟨елезной⟩ д⟨ороге⟩ метель и заносы.

Всего тебе хорошего. Жду письма.

Завтра кончится глаженье.

А. Ремизов

7

№ 7

⟨Петербург⟩

8—9 III (вторник) 1911 г. ¼ 2-ого ночи

Что это, детяточка, письма от Тебя ни одного нет.

Как-то ты доехала? Как действуют Твои пилюли.

Холодно у нас, очень холодно. Вчера, как лег спать и голова прошла. Во сне видел Жилкиных. Будто мы сидим с Тобой, а Ив⟨ан⟩ Вас⟨ильевич⟩ ⟨Жилкин⟩ входит и ⟨—⟩ «Здравствуйте» говорит. Утром заходила Ал⟨ександра⟩ Ник⟨олаевна⟩, потом Ивойлов и Верховский. Потом в 11 ч⟨асов⟩ Ал⟨ександра⟩ Н⟨иколаевна⟩ и, уж не раздеваясь, и с ней Вера Конст⟨антиновна⟩ ⟨Шварсалон⟩. Вячеслав на заседание уехал и должен был прямо оттуда идти к Сологубу. Я сейчас же оделся и на № 4, а там пешком. Думал, не застану уж разговоров Гидони. Нет, еще читал. С ½ 10 — до ¾ 12⟨-го⟩ говорил. Народа было в зале мало: какая-то дама (с Ал⟨ександрой⟩ Н⟨иколаевной⟩ ходит), Попов (режис⟨сер⟩), Евреинов, Судейк⟨ин⟩ и Суд⟨ейкин⟩а (тебе оба кланяются), Потемкин с Хаванск⟨ой⟩, Сандуленко с Сениловым (а жены не было), Сюн⟨н⟩ерберг с Тухлою ⟨Варварой Михайловной Сюнерберг?⟩, Чириков с женою, Кондратьев, Цензор. А потом начались прения. Пришел Нувель и я пошел с ним чай пить (под руководством А⟨лександры?⟩ Н⟨иколаевны⟩), а то еще чаю не давали. Тут и Сомов. Выпил чай и сели ⟨sic!⟩ в кабинете Сологуба. Расспрашивали о Толстом и хвосте, о Мережковских. Нувель говорит, что квартиру, если сдадут, то не потому, что за границей всегда жить будут, а хотят нанять под Петербургом. Оба тебе кланяются. Нувель совсем излечился: пил римскую ромашку через 2 ч⟨аса⟩ после еды по чашке. Это новое излечительное средство. Прения кончились, вышел в залу — народу уж прибавилось: поздоровался с Владыкиными и с Щепкиной-Купер⟨ник⟩. Вячеслав ⟨Иванов⟩ и Верховский явились. И пошел домой. И Сомов, и Нувель о Толстом отзываются очень неблагоприятно. Да, был еще Ауслендер с женой. Я не жалею только потому, что с Сомовым и Нувелем поговорил, а то все эти разговоры о театре скучны. И еще забыл⟨:⟩ Вера Евгеньевна ⟨Копельман⟩ была и сестра Копельмана.

У меня такое впечатление, что Гидони хочет занять руководительскую роль в театре предполагаемом.

Разряжены были все, платья не описываю — скучно.

Весь день писал: переписал Галстука 3 редакции, больше переписывать пока не буду. Подожду тебя, что ты скажешь. Очень уж коротко выходит. Думаю, в 4 том: Крест(овые) сестры, Чертыханец, Галстук, Мака, Тайнств(енный) зайч(ик). Начал «Крест(овых) сестер» читать, исправлял кое-что.

Ел рыбу. Материю из прачечной получил.

В газетах: Столыпин ушел, а больше ничего нет.

Напиши, детяточка, а то я тебе пишу, пишу, 7 писем написал. Не знаю ничего, что с тобою.

А. Ремизов

Писем не было.

8

№ 8

⟨Петербург⟩

9—10 III (среда (sic!)) 1911 г. 2 ч(аса) н(очи)

Пожар*

Что же ты, деточка моя, письма мне не пишешь. Ждал и сегодня, нет. Видел во сне Гюнтера. День прошел суетно.

Пришел Иванов(-)Разумник. О статье его про Мережковского разговаривали. Только что Ив(анов-)Р(азумник) за дверь — Аничков. Посидел, о лекции своей порассказал. А за Аничковым Г. В. Вильямс. О диких рассказ. Так с утра, как раскрыл «Крестов(ые) сестры», поправлять начал, так на той же странице и пролежало. Приготовил я весь 4 том, думаю, хватит материала, хотел было за «Бесов(ское) дей(ство)» и «Иуду» приняться, чтобы после к Егорию перейти, тот самый пришел Клещевский ⟨по рекомендации Н. С. Клещеева. — Е. О.⟩. Ну отдал я ему рукопись, сказал адрес, который мне Ив(анов-)Р(азумник) указал, и ушел он. Остальное время с Иудой возился и начал Бес(овское) Действо в последний раз просматривать.

Гюнтера видеть — к суете.

Куда-то мы, деточка, поедем?

Очень бы мне хотелось к Пасхе, хоть какую-нибудь редакцию Георгия сделать. Большое было бы облегчение.

Такой трудный год с этими исправлениями. Письмо сегодняшнее маленькое вышло.

Холодно что-то. Попомни, деточка, что говорила поискать, обещалась.

Всего тебе, деточка, хорошего. Не шлют мне что-то денег из Германии. Придет Ал(ександра) Н(иколаевна), попрошу написать мне письмо. И от Брюсова нет известий. Надо полагать, что принято, иначе ответил бы.

До свидания, деточка моя.

А. Ремизов

9

№ 9

⟨Петербург⟩

10—11 III. (четверг). 1911 г. ½ 2 ч(аса) н(очи)

Забыл тебе, деточка, написать вчера, что было тебе письмо от Гуро — просто в стиле Варв(ары) Григор(ьевны), так уведомление — приветствие. Что же пись-

* Слово написано красным карандашом, очевидно, при комплектации домашнего архива.

ма-то от Тебя нет все, хоть бы маленькую писульку написала: как доехала и как пилюли. Ай, деточка, деточка! Сегодня во сне тебя видел с Наташей.

Занимался я сегодня Бес(овским) действ(ом) и Иудой. Конечно, много времени истратил на разные внешние вещи — расположение текста и т. п. Остался III акт(т) Иуды. Все равно, рано или поздно, и надо это сделать.

Утром заходила Ал(ександра) Н(иколаевна), но я еще спал (проснулся сегодня очень поздно ½ 12-ого). Хотела зайти вечером и не пришла. Потом были полотеры с мастикой. И пришел Пяст. Рассказывал о 4 т(оме) Чулкова — о его стихах, пока были полотеры, и ушел. Потом был Гарольд Васильевич (Вильямс). Принес афишу лекции Ариадны Влад(имировны) (Тырковой-Вильямс) и написал мне письмо по-немецки в München о Кр(естовых) сестрах (послал сегодня заказным на Ник(олаевский) вокз(ал)). Потом пошел на Невский папиросы покупать. Прихожу — Валентина Александровна (Шалаурова). Два дня как встала, а то все хворала. Посидела немного и ушла. Тебе кланяется.

Так и прошло время. Лекция Ариад(ны) Влад(имировны). В(алентине) А(лександровне) не понравилось: «неинтересно читает».

Вот и весь день мой. Сегодня пасмурно, холодно, как осенью. И в комнатах холодно.

Деточка, напиши же, пожалуйста.

А. Ремизов

10

№ 10

(Петербург)

11—12 III (пятница). 1911 г. ¼ 1 (час) а н(очи)

Деточка, меня все больше и больше беспокоит, что от тебя письма нету. Сегодня неделя, как ты приехала (4 III). Жалею, страшно жалею, что не сказал (не приготовил) Тебе письма (конверта), чтобы ты без задержек опустила. Телеграмму хотел послать, боюсь, встревожишься, или выйдет какое-нибудь недоразумение.

Сегодня получено письмо от Марг(ариты) Васильев(ны) (Сабашниковой). Ждет в Париж и устроит дешево (2 франка в день) и встретит. Потом от Ан(ны) Марковны (Левиной), приглашает в воскресенье (я отвечаю, что не могу). Потом от Frisch (Ф. Фриш), про деньги (200 (марок)) скоро пришлют, и что Крест(овые) сестры еще не вышли. И затем от П(авла) Елис(еевича) (Щеголева), просит, нельзя ли получить от Розанова его послед(ней) книги (полный текст).

Во сне я видел очень много, но ничего определенного не запомнилось. Помню только, что угощали меня сигарами. Был Ив(анов-)Разумник, принес от Ляцкого «былины» — книга очень хорошая. Выставил от тебя раму — все Броня делала и вымыла. Кончил поправлять Иуду, — стало быть, сделал начало 6 тома. Читал о хлыстовских действиях и начал I акт Егория. Сегодня Академия (читает Зелинск(ий)). Заходила Ал(ександра) Ник(олаевна) со своей барышней (не знаю, кто она) — идет в Академию. Я не пошел. Вообще больше ходить не думаю. Принимал ванну. Ел мозги. У Сологуба после(,) в 4 часа был ужин, а потом пел Сомов и танцевала Хованская. Вот что я узнал от Ал(ександры) Ник(олаевны), которой рассказывала Ан(астасия) Ник(олаевна) на другой день (9 III).

Спать лягу раньше — после ванны ослаб как-то (очень разогрелся). Ну, вот тебе пустяки всякие пишу. Напиши мне, деточка. Прошу, прошу — ничего не напишешь.

Стало быть, поедем в Париж?

А. Ремизов

Хоть бы письмо от тебя поскорее пришло.

11

№ 11

⟨Петербург⟩

12—13 III 1911 (суббота) 11 ч⟨асов⟩ н⟨очи⟩

Получил твое письмо, Твою телеграмму. Затем от Пришвина письмо и от Каменского открытка. И Н⟨овый⟩ Ж⟨урнал⟩ д⟨ля⟩ Всех и IV т⟨ом⟩ Чулкова. Был Пяст, Алекс⟨андра⟩ Ник⟨олаевна⟩, Гарольд Васил⟨ьевич⟩, Бурлючка и Ляцкий.

Прямо ожил, получив твое письмо.

У меня так все напряглось, что когда кто скажет что-нибудь погромче, сердце так и упадет. Приходил Пяст, — живот у меня сегодня болит — (сейчас это прошло, только ослаб) и попал мне под сердитую руку, изругал я ругательски Лемана за его статьи в Н⟨овом⟩ В⟨ремени⟩ и сказал, что скажу в Gaudeamus и выгонят Лемана из Gaudeamus'а. Потом пришла Ал⟨ександра⟩ Ник⟨олаевна⟩ и за нею Г⟨арольд⟩ Вас⟨ильевич⟩. Рассказывали о вчерашней академии. Г⟨арольд⟩ В⟨асильевич⟩ ушел, сел я обедать, а Ал⟨ександра⟩ Ник⟨олаевна⟩ чай пить стала. И пришла Бурлючка, за ней мать приезжает завтра. Дал ей чаю. И в это время пришел Ляцкий. С Ляцким сидел я в своей комнате. Он мне много рассказывал о своем товарищеском издательстве. Пойду к нему в четверг. У него можно получить корректуру 1 ½ р⟨у⟩б⟨ля⟩ лист (маленький). Ал⟨ександра⟩ Ник⟨олаевна⟩ ушла, а Бурлючка еще посидела немного, рассказала о В⟨асилии⟩ В⟨асильевиче⟩ (Розанове) и ушла. Я сегодня очень плохо себя чувствую и устал очень, совсем не мог разговаривать.

А письмо твоему как я обрадовался.

Деточка, Наташа сейчас не чуткая — это от обстановки дурацкой. Знаю, что у меня есть недочетки или стали недочетки, но в детстве, я помню, у меня все, все было, как струнка. И в этом большое было горе.

А. Ремизов

Что во сне снилось сегодня, не помню. Броня разбудила: письмо от тебя. Ну, я сон и забыл.

12

№ 12

⟨Петербург⟩

13—14 III 1911 (воскресенье). 1 ч⟨ас⟩ ночи

Видел во сне, угощали меня орехами и еще видел Панченку доктора отравителя.

Письмо от С⟨ергея⟩ Ремизова и Р⟨усская⟩ М⟨ысль⟩ № 3. Больше ничего не было. До обеда приходил Блок. И приглашает в пятницу, тебе письмо написал. Просидел до 4-х. Дал мне 50 р⟨у⟩б⟨лей⟩. Ходил я стричься. Принимал ванну и опять убрался. Так весь день сегодня все чищу, все в порядок привожу к Твоему приезду. Рассказывал Блок, как он теперь снова ожил. В пятницу хочет читать 1 ч⟨аст⟩ь своей поэмы. Война будет, деточка, с китайцем. Так мне грустно, что без Тебя беспорядок такой вышел, что не успеют всего сделать, что взволнуешься.

А. Ремизов

13

№ 13

⟨Петербург⟩

с 14—15 III (понедельник) 1911 г. 12 ч⟨асов⟩ н⟨очи⟩

Видел во сне Чехова. Будто идем вместе в Художеств⟨енный⟩ театр. Он сторбленный в пиджаке сероватом в полосках. На голове жокейская шапочка. Нас встречают. И какой-то служащий (занимается скульптурой) говорит мне, что для меня есть особая комната в Худ⟨ожественном⟩ Театре и уже давно. А я подумал: «Вот, как, а мы-то через Бутову билеты доставали!».

Был Ив⟨анов-⟩Разумник в положенный час. Рассказывал, как один его знакомый — начинающий критик собирается писать целую книгу о А⟨лексее⟩ Толстом.

Приходил монтер, починил элек⟨трический⟩ звонок, потом прибил вешалку. Пришла Ал⟨ександра⟩ Ник⟨олаевна⟩. Все насчет Рождества и Попрания толковала. Хотел Вяч⟨еслав⟩ Оры (2 кн⟨иги⟩) издавать. Есть еще выход — получить сейчас гонорар из Рус⟨ских⟩ Вед⟨омостей⟩. А если напечатают V т⟨ом⟩, послать вместо Рождества какой-нибудь рассказ. Все это до тебя оставляю. Вместе решим. Чувствую я себя сегодня плохо: сонливость и упадок. Пришел Ивойлов, принес икону «Умиление». Старинная Псковская икона — уж очень хороши глаза у Божьей Матери. Протирали икону и вешали. Затем я ему рассказал о занятиях у Ляцкого по составлению со мною книги апокрифов (если только состоится). Решил я пройти к Вяч⟨еславу⟩. И прошлый раз звал и этот через Ал⟨ександру⟩ Н⟨иколаевну⟩. В 11-ом мы пошли с Ивойловым. Застали там Фидлера, Чулкова, Мандельштама, Гумилеву жену, и барышню Алек⟨сандр⟩ы Ник⟨олаевн⟩ы. Чулков о Париже, Фидлер о новых писателях. Какой противный этот Мандельштам. А у Гумилевой жены зубы неровные и это очень портит. Сели чай пить. Пришел Яценко. Разговаривали о китайск⟨ой⟩ войне. Завтра должно все решиться: начнется война или не начнется.

Никогда я так не чувствовал, как сейчас, что России срок положен, что сгинет она — слабнет, изменавис⟨т⟩ничившаяся ⟨sic!⟩, исподлившаяся ⟨sic!⟩ — несчастная. Из-за куниц и горностаев — повод к войне. Повод, конечно. Так что, если удастся мне написать повесть об Орлове — обвинительный акт будет из сердца у меня. Около 12-и пошел домой. Стало мне очень холодно. Прошел через незапертые двери.

А. Ремизов

14

№ 14

⟨Петербург⟩

15—16 III (вторник). 1911 г. 1 ч⟨ас⟩ н⟨очи⟩

Конечно, деточка, все я тебе расскажу подробно. А не писал, боялся взволновать. Теперь и то боюсь, как рассказывать буду. Утром 9-ого встал я по обыкновению в 10-ь, напился чаю и прочитал газеты. Потом сел за «Крест⟨овые⟩ сестры»⟨,⟩ исправлять. Прочитал страницу и зачем-то вхожу в столовую, а в столовой дым. Я прямо туда, где стена горячая, — а из соседней стены, точно пар. Крикнул Броню, а дым уж больше и за стеною что-то зашумело. Броня бросилась за дворниками. Я же скорее белье выносить и зеркало (да схватив, кнопку уронил — и все-таки нашел). Передвинул шкаф, комод, только не могу кровать вынести один, а с той стороны уж ломают. Там огонь выбросило. Прибежала Броня, вынесли кровать и стали поливать, потом там за стеной залили, тут повалил дым. Броня схватила лом и стала ломать, а дворники прибежали с ведрами. Пришел старший, помощ⟨ник⟩

архит(ектора?) (управл(яющий)) и студент (гражд(анский) инж(енер)). В комнате едва можно было дышать. Все разломали и потушили.

К финалу приходил Раз(умник) Вас(ильевич). Броня пошла самовар подогреть. (Всех расторопней оказался старший, он прямо руками в огонь лазил, и Броня, работавшая с ломом). Рассказал мне управляющий, почему загорелось: там, где стена накаляется, проходят 5 труб (дымоход), лопнул кирпич и так как соседняя стена из досток (sic!) и прямо к стене (горячей) подходит, то залетевшая искра подожгла (между досток лежал торф). Теперь торфа нет и между стеною проложены кирпичи, так что достки приходится к кирпичу).

(Рисунок с надписями: *Было — Теперь. — Е. О.*)

Я очень взволновался, очень побледнел (позеленел) — видел себя, пронося зеркало. Мне очень досадно было: вымыла она белье, все тебе приготовила, хватить — погорит!

Раз(умник) Вас(ильевич) пьет чай, и я стакан держу — и во рту горько и где-то внутри от гари и дыма сосет. Двери раскрыты на парадное. Форточки открыты, а все-таки душно. И вот пьем чай, вдруг уж крик Брони: Пожар! Бросились в комнату — ничего нет. А это с той стороны не разломанные доски вспыхнули — (стена страшно накалилась). Ну, опять сбежались, стали ломать: выломали. Тёс весь горячий, вычистили торф.

Раз(умник) Вас(ильевич) требовал пожарных.

Но пожарные приезжали раньше и им отказали — иначе все стекла были бы выбиты и покрали бы много. Ну, успокоились, допили чай. Р(азумник) В(асильевич) ушел. Дворники пришли выносить горелое. Понемногу стал расходиться чад. Вот тут-то и пришел Аничков. А за Аничковым Гарол(ьд) Василь(евич). Я ему показывал и рассказывал, и вдруг опять уж истощнее, истощнее (sic!) голос Брони: «Пожар!»

Бросились с Г(арольдом) В(асильевичем) в кухню, а она дрожит вся и в окно показывает. Из соседней трубы идет самый обыкновенный дым. И все-таки побежала к дворникам: опять дворники прибежали с ломом, увидав дым, обратно в сосед(ний) дом. Ну и ничего. И я уж стал бояться. Как скажет Броня: «Барин — (с паузой)» — у меня так сердце и упадет.

Ночь я не спал. Через каждые $\frac{1}{4}$ ч(аса) ходил со свечкой (электр(ичество) я снял) в ту комнату и все мне казалось дым и шуршит за обоями. (Огонь шуршал за обоями тогда). Не спала и соседняя кухарка Ивановна (вроде Акумовны, только чуть помоложе на вид, и вся квадратная, начиная с носа, кончая поясом). Она к дыре, и я к дыре — вот к этой сторелой стене, которую ты увидишь. (Броне я велел ложиться, чтобы днем, когда я лягу, караулила). В 5 ч(асов) пил чай. И Бесовск(ое) действ(о) поправлял. Такой нервный подъем чувствовал, что хоть еще несколько ночей не спи. Лег в $\frac{1}{4}$ 7(-го), когда уж Броня встала. Проснулся в 12 ч(асов) дня. И выходить из дому боялся (четверг), в пятницу вышел и с большой тревогой. А в субботу вдруг все силы упали и понос.

Вот тебе, деточка, краткое описание. Боялся написать тебе, просто, как представляю, что взволнуешься ты и будешь думать, так рука и не подымается. А эти все дни все думаю, как расскажу тебе, чтобы ты не испугалась.

А. Ремизов

Относительно денежных дел так: пришел 5 III (субб(ота)) Пришвин, сказал, что брат умер и просит 25 р(ублей). Как приеду к матери, сейчас же пришло. Ну, что ж думаю, пускай, это скоро. (А хотелось мне, чтобы, как ты вернешься, все деньги у меня были полностью). На другой день, кажется, приходит А(лександра) Н(иколаевна) и просит 11 руб(лей), — в субботу (12. III) отдаст. Ну хорошо, она тогда, помнишь, нам все отдала, да это пустяки. Проходит сколько-то дней, нет от

Пришвина ни духу, ни слуху. А Раз(умник) Вас(ильевич) говорит: «Подвел меня Пришвин — не известил даже, что уехал». Я Пришвину и написал: пишу, что(бы) поскорее прислал, тебе надо послать на выезд в Петербург. А в субботу получаю от него письмо: «Недельки через 2е». А я был уж раскаленный, взял да и хватил ему: «Немедленно телеграфом». А потом вслед открытку, чтобы не понимал дурно, что совсем сейчас болен, что очень надо.

А(лександра) Ник(олаевна) вместо 11 р(ублей) отдала 6 р(ублей), а 5 р(ублей) обещала в субботу (19 III). Тогда я и написал Блоку письмо, прося у него 25 р(ублей), которые отдам, т(ак) к(ак) задержали мне. Написал Блоку и успокоился. На другой день (в воскрес(енье)), Блок пришел и 50 р(ублей) принес и сказал, что, если неудобно будет заплатить 25 р(ублей) (первые), то, когда можно, хоть через год, хоть через три. У него денег очень много. Тоже не писал тебе, деточка. Ну сама посуди, и пожар, и деньги, и все, просто — что же это такое. А хотелось, чтобы все было. Думал и оклеят без тебя, чтобы дыры такой не было, — не пришлось.

АР

Во сне видел сегодня Зин(аиду) Ник(олаевну) Гиппиус. Будто разговариваю с ней о Чертовой кукле и о стиле. Ездил на вокзал узнавать поезд, заходил к Елисееву. Когда шел около Аничков(а) дворца, выехал Государь. Сначала рожок прогудел, и все экипажи остановились, потом «Здравие желаю» — прокричали где-то во дворе, а потом выехал автомобиль. Около Елисеева пристав задержал ослика, к(отор)ый вез какую-то рекламу: городской кричал: расходитесь, уберите ее (т. е. осли). Получилось (sic!) из Высш(их) Женск(их) Курсов повестка о заседании.

Досидел до часа. Очень спать захотелось. Приедешь ли ты завтра, деточка. Уж жду тебя, не дождусь.

А. Ремизов

15

№ 15

(Петербург)

16—17 III (среда) 1911 г. 12 ч(асов) н(очи)

Встал ½ 9-го. И ждал до без четверти 12-ь. Во сне видел Вяч(еслава) Ив(ано-ва) и Розанова. Приходил Р(азумник) Вас(ильевич). Получил из Аполл(она) приглас(ительный) билет на пятницу. Открытка от Вар(вары) Григ(орьевны) Малахией-Мирович) (насчет Романова). Приходил Кондратьев, принес книгу. Сидел с четверть часа. Рассказывал о Думе, где он служит. Советовал поступить в пол-пол-помощники экспедитора. 100 р(ублей) в м(еся)ц. Приходила Ал(ександра) Ник(олаевна). Кончил начерно I акт о Георгии, начал II-ой. Спать хочется: или встал рано, или от ожидания. Завтра опять на дежурство: встану, выпью чаю и буду ждать звонка. Хоть бы ты уже приехала, моя деточка.

16

№ 16

(Петербург)

17—18 III (четверг) 1911 г. 1 ч(ас) н(очи)

И опять, деточка, ждал тебя. Опять рано поднялся. Приходили маляры, оклеили бумагой, завтра утром обещали оклеить обоями. Выставил окно в столовой. Писал 2 акт. Во сне видел, что плакал. Получилось письмо из Книгоизд(ательства), будто выслали давно мне деньги, но что пришли они обратно. И теперь опять

их посылали. (Адрес будто был неверен). Умер П. Я. ⟨П. Ф. Якубович⟩. В 5 ч⟨асов⟩ пришла-таки Форшиха, полагая, что мои именины. Сидела не более ¼ часа. Ей прислал Брюсов обратный рассказ — жаловалась. Ездил на трамвае проветриться. В 10-ь пришел Бурнакин, с которым имел разговор. Говорил ему о его приспособлениях к Н⟨овому⟩ В⟨ремени⟩. Болит у меня голова. А утром живот болел. Верую, завтра приедешь, деточка. Ложусь спать.

А. Ремизов

17

⟨Париж. 1911, май⟩

Сейчас вернусь, пошел за Alcohol'ем и в St. Sulrice на ненадолго — очень интересно: их главный архиеп⟨ископ⟩ служит сейчас.

½ 3⟨-ьего⟩

1911 Paris*

AP

* Приписка карандашом, очевидно, оставленная при комплектации домашнего архива.